

РИМЪ ЭДЕЛЬШТЕИН

ANDROMEDA

TRIANGULA

ДРАКОНЪЯ ДЕСНИЦА

16+

Римъ Эдельштейн
Драконья Десница

«Автор»

2018

Римь Эдельштейн

Драконья Десница / Римь Эдельштейн — «Автор», 2018

Тьма обрушилась на простых людей внезапно. Хуже безысходности может быть лишь развернувшаяся война, влекущая за собой смерти невинных. Градоправитель убит, начинается переполох. Уже скалят зубы вампиры, тёмные эльфы точат копья, предвкушая то, как они будут разделять чешую Дракона. Работорговцы и мародёры уничтожают своих же, ничем не гнушаясь. Что делать, если ты всего лишь несчастная девчонка, оказавшаяся между лап чудовищ с одной стороны, а с другой – таких же чудовищ, но лишь выглядящих как люди? Бежать без оглядки, пытаешься спастись. Не останавливаться ни на минуту, ибо промедление смерти подобно. Лишь Отряд Зодиака может навести порядок, ударив своим молотом правосудия по чёрным силам, открыв огонь из всех своих орудий по Чистому Злу.

© Римь Эдельштейн, 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава первая: Багровая борозда	5
Глава вторая: Тайна старого трактира	32
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Римь Эдельштейн

Драконья Десница

Глава первая: Багровая борозда

В ночь на пятницу снова обрушилась гроза, но в этот раз она была такой чудовищной силы, что каждый раскат грома напоминал удары огромного железного молота, от которого в домах и пристройках тревожно звенели окна, люди подскакивали со своих коек, а животные беспокойно переступали в стойлах.

Хуже всего, конечно же, приходилось солдатам, которые неусыпно несли дозор не только на башнях королевского замка, а ещё стойко выдерживали ледяной ливень и жуткие порывы ветра на крепостных стенах, отделявших их маленький пограничный городок от остальных земель.

И в эту ночь почти никто не спал. Все как будто чувствовали, что вместе с этой грозой в их земли пришло ещё что-то. Нечто более ужасное, чем просто разбушевавшаяся стихия. Словно к ним пробралось настоящее Зло, которому даже крепостные стены не стали помехой.

И даже если бы кто-то и слышал захлёбывающийся лай собак вдалеке, тревожный топот копыт или приглушённые крики и вопли, то никто бы не пошёл смотреть, что там случилось. Потому что в этих местах всегда правил страх.

Об этом и размышлял старый горожанин, которому не посчастливилось оказаться в такую погоду на улице. Он стоял по щиколотку в воде, несущейся по брусчатке, и, придерживая шляпу, вглядывался в темноту ночи. Молнии были настолько быстрыми и ослепительными, что в их свете нельзя было разглядеть толком, что происходит в десяти шагах от него, поэтому старик медленно стал продвигаться вперёд, машинально вытянув одну руку перед собой.

Он искал свою внучку, которая убежала из дома – да-да, и такое случается, – ещё рано вечером, когда изо всех сил жарило июльское солнце, и не было ни намёка на такую бурную ночь. Видимо, она снова заговорила о своих родителях, а престарелая Гретта попросту не выносила этих разговоров и накричала на девочку. Впрочем, как всегда.

«Ну, Фредерик, я не виновата! Я тебе правду говорю!» – чуть ли не вопила Гретта, вытираючи глаза. Она была старой закалки и даже могла приложить Патрицию, если та не слушалась или баловалась. Или даже если Гретте казалось, что та не слушается или балуется.

«Кому нужна твоя дрянная девчонка? Она вся в своего отца! Такая же взбалмошная и своенравная!»

И, быть может, это было недалеко от правды. Отец Патриции был разбойником, а мать, скорее всего, проституткой, поэтому... Фредерик и Гретта предпочитали умалчивать об этом, рассказывая всем, в том числе и Патриции, что её родители просто уплыли за горизонт и обещали вернуться. Неплохая сказочка, не правда ли?

Патрицию двенадцать лет назад принёс её отец прямо посреди ночи в такую же ужасную грозу (но всё-таки не настолько безумную, как этой ночью). Он постучал в дверь первого попавшегося дома в этом квартале бедняков, где и жил Фредерик вместе со своей сварливой жёнушкой, которая уже тогда была как гвоздь в ботинке, как крошка в постели, как камень в почках, как шило в...

Но Фредерик любил её, так бывает всегда. Он стойко переносил все капризы своей любимой, с которой уже десять лет брёл по своему нищему жизненному пути. И всё было нормально, день сменяла ночь, лето сменяло зиму, но однажды всё изменилось.

Посреди ночи кто-то забарабанил во входную дверь. Удары были тяжелыми, будто били молотом, но в то же время какими-то отчаянными, как будто этот дом мог даровать гостю спасение.

Гретта хоть и не слыла трусихой, в ту ночь она испугалась очень сильно, съёжившись в кровати и вцепившись в руку Фредерика, который тогда ещё был физически крепок, чтобы отстоять свой дом и свой очаг.

Он поднялся, стараясь ничем не скрипнуть. В кромешной тьме прошёл на кухню, пытаясь ступать бесшумно, а оттуда уже вернулся с широким тесаком, которым запросто перерубал коровьи кости, когда готовил суп.

Горожанин не стал зажигать ни свечу, ни лампу.

В дверь снова глухо застучали, отчего Гретта подпрыгнула в кровати.

Фредерик спокойно посмотрел на неё, как будто у него в жизни такое происходило регулярно. Потом он медленно пошёл к двери, крепко сжимая свой тесак.

– Откройте же вы наконец! – истошно прокричали за дверью, отчего Гретта взвизгнула, как свинья на бойне. В тот же момент за дверью раздался приглушённый плач. Явно детский. Может, он был и раньше, но не такой громкий.

Больше Фредерик сдерживать себя не мог, он рывком распахнул дверь, готовясь воткнуть тесак прямо в голову непрошеному гостю, ну или куда он там попадёт.

Вместе с воем ветра и дождя в дом проникнул и детский плач: отчётливый и жалобный.

В проёме же стоял рослый мужчина, державший на руках маленького ребёнка, завёрнутого в рубаху. Даже тёмная ночь не смогла скрыть того, что незнакомец еле держался на ногах: он был тяжело ранен и истомно дышал.

– Драконы милостивые, что с тобой, парень? – громко спросил Фредерик, всё ещё не опуская оружие. Такого он точно не ожидал увидеть.

– Времени нет, – прохрипел незнакомец. – Девочку зовут Патриция... Патриция! Запомните! – он протянул свёрток с ребёнком в проём. – Я больше не могу уходить с ней...

– Нет, Фред, нет! – возопила Гретта, вскочив с кровати. – Пусть убирается! Пусть он убирается отсюда! И пусть забирает своего ребёнка!

Казалось, что сейчас она залает от страха и ярости.

Но Фредерик как будто и не слышал свою возлюбленную. Как во сне, он медленно протянул руки и взял девочку. В ночи уже слышалось отдалённое ржание коней и топот копыт. Сомнений не было: преследователи незнакомца.

– Берегите её. И не отдавайте им... Они придут за ней, – прошептал незванный гость и попросту как-то вывалился из проёма прямо на улицу. Спустя мгновение он натужным рывком растворился в ночи.

Фредерик одной рукой закрыл дверь и внёс девочку в спальню.

А почти к утру к ним всё-таки заявили гвардейцы и спрашивали, не видели ли они тут мужчину с ребёнком. Оказалось, это был разбойник и убийца, которого долго не могли поймать, но в один день им всё-таки повезло напасть на его след.

– Жёну мы его нашли, – сказал начальник гвардейцев. – И разобрались прямо на месте. Осталось найти этого чёртова выродка!

К счастью, разговор с гвардейцами происходил на улице, а Патриция уснула в спальне, поэтому всё обошлось и её не нашли. Если бы тот жирный всадник не поленился и устроил обыск в доме, то всё бы окончилось плачевно для Фредерика с его жёнушкой. Но гвардейцу было попросту лень это делать, ибо он понимал, что ему ещё опрашивать человек двадцать на этой улице, и переворачивать всё вверх дном в каждом доме у него было никакого желания.

К тому же он понимал, что нищие всегда трепетали перед законом и с радостью бы продали «этого чёртова выродка», если бы у них была такая возможность.

Так или иначе, всё закончилось довольно хорошо, и Патриция осталась жить у Фредерика с Греттой.

Горожанин души в ней не чаял, ибо детей у него своих не было, так уж сложилось, но он всегда хотел, чтобы у него была дочь. А вот Гретта при случае шпыняла и обижала девочку почти все двенадцать лет, которые она у них жила, и все шесть лет, когда она хотя бы раз в месяц расспрашивала своих бабушку с дедушкой о том, где же её мама.

И чем чаще она расспрашивала, тем сильнее Гретта психовала и вымещала злобу на ней, даже Фредерик был не в состоянии справиться с потоками её лютой ненависти.

И в этот день, пока Фредерик был на базаре, произошло что-то такое, что заставило Патрицию убежать из дома. Такого прежде не случалось никогда.

Теперь горожанин брёл по узкой улочке между домами, преодолевая лютую стихию и прислушиваясь к вою ветра где-то вверху, оставив Гретту дома браниться и плевать.

За три часа он обошёл несколько бедных кварталов и даже видел, как зарождалась гроза, которая впоследствии будет названа самой свирепой за последние двадцать лет. Конечно же, горожанин был одет весьма сюрреалистично для такой суровой погоды: в белую рубаху, широкие хлопковые штаны и кожаный фартук. На голове у него была всё та же широкополая шляпа, которую он придерживал одной рукой, чтобы её не сдуло ветром. Никто же даже предположить не мог, что разразится такая буря!

Но не найти свою «внучку», а по факту приёмную дочь, он не мог, поэтому он шёл и шёл, несмотря ни на что, а под ногами у него дрожала сама земля и неслась вода.

Но в одно мгновение молния высветила перед ним человеческий силуэт, невозмутимо стоявший прямо посреди улицы. Буквально в нескольких шагах от Фредерика, которого целиком поглотил внезапный испуг. Сердце его бешено забилося, а кровь ударила в голову тяжёлым раскатом грома.

– Что это Вам не спится в такую мерзкую-премерзкую погоду, уважаемый? – ехидно спросил силуэт. Новая вспышка осветила в руках человека какой-то овальный предмет.

Одет он был тоже не по погоде: в рубаху с широкими рукавами, а мокрые длинные волосы прилипли к его лицу. Однако в его голосе слышался неподдельный восторг. Видимо, эту погоду на самом деле мерзкой-премерзкой он не считал.

Старик неосознанно попятился.

– Так внученьку ищете, ваше благородие, – хрипло проговорил Фредерик и чуть кивнул головой, как бы немного кланяясь человеку голубых кровей, как у них – выходцев с бедных кварталов – было принято.

Хоть горожанин и был страшно напуган, но не понять не мог: перед ним стоял явно благородный господин. Такие рубахи носила только элита, что жила в особняках. Возможно, незнакомец был сильно пьян, но его статус от этого не падал ни на йоту.

– Какую скотинку, уважаемый? – любопытствовал силуэт и подбросил предмет в воздух, спустя мгновение поймал его снова.

– В-в-внученьку, ваше благородие, а не скотинку... – запинаясь, выдавил старик и снова попятился. Его стало трясти. Возможно, не только от холодного дождя и пронизывающего ветра, ещё и от леденящей встречи с этим пьяным незнакомцем.

– Понимаю, – участливо сказал господин и торопливо закивал головой.

Как только разговор прервался, шум дождя показался Фредерику оглушительным и заполнил всё вокруг. В небесах грохотали раскаты.

Старик, съёжившись от едкого трепета, почему-то не смел произнести ни слова и даже шевельнуться боялся. Он ждал, пока господин продолжит разговор, и дождался.

– Но у меня хорошая новость для вас! Я её нашёл уже! – жизнерадостно выкрикнул человек в рубахе с широкими рукавами и опять подбросил в воздух предмет, который до этого держал в руках, затем снова поймал его. Похоже, он веселился изо всех сил.

– Что?! – непонимающе прохрипел горожанин. Он сделал ещё шаг назад. – Где же она?

В очередной раз повисла короткая пауза, шум дождя усилился многократно. Темнота сгустилась, заволакивая всё вокруг. Ливень уже превращался в самый настоящий водопад, образуя грохочущий каскад.

– Здесь, – тихо, но очень вкрадчиво и различимо послышалось перед самым носом старика.

Дохнуло мертвечиной. Самой настоящей тухлятиной, как будто благородный господин перед встречей с Фредериком пообедал на близлежащей помойке.

Новая ослепительная вспышка осветила этого самого господина, который стоял уже почти что впрыток к старику. Глаза его были как чёрные дыры.

В руках он держал оторванную голову Патриции.

Даже если бы градоправитель Пирос и не был пьян, он всё равно бы не услышал душевизирующего вопля, утонувшего в бесновавшейся погоде. Та улица, где кто-то кричал, как раз проходила ниже их площади с особняками, где жили они – местные властители жизни. Это было их место, их выступ, так сказать. Где могли появляться только избранные, а не эти нищие.

Ниже жила вся чернь, простой люд, или, как про себя их называл градоначальник – отребье, нахлебники и прихлебатели. Их дома с маленькими двориками и сарайчиками были построены практически друг на друге, отделявшиеся только крохотными дорожками.

Но Пирос был пьян в стельку, поэтому не слышал вообще ничего, кроме потрескивания дров в камине, перед которым стояла его служанка Птолема. Она наклонилась перед ним, чтобы подбросить дров, тем самым предоставив отличную возможность градоправителю полюбоваться собой. Она была стройной как тростинка, и очень молодой (ей едва ли исполнилось восемнадцать лет), но чтобы работать прислугой в доме великого Пироса, мнившего себя царём в этом городе, особой красоты и большого ума не требовалось. Достаточно было носить холщовое платье и вовремя наклоняться перед камином. Ну и, конечно, иногда приносить вино.

Пирос был абсолютно умиротворён. Его ничуть не волновала разыгравшаяся погода, никаких дурных предчувствий у него не было. Он просто развалился в кресле за письменным столом в своём кабинете, пил вино и любовался на служанку. Сегодня у него был замечательный день, наверное, самый лучший за последние пять лет (за время его самоуправления, так сказать).

Хотя, если бы мать Пироса видела, каким он стал, она бы посмеялась над словом «самоуправление», так как управлять собой Пирос точно не умел, иначе бы так не разожрался и не обрюзг к своим тридцати пяти годам.

Но Пироса совершенно не волновало, что бы там о нём подумала его дорогая матушка, ибо была сегодня одна замечательная новость: славные ребята шахтёры всё-таки нашли самоцветы.

Они трудились день за днём под страхом смерти, но всё-таки справились. Молодцы, просто трудяги. Теперь, наверное, они отмечают свою победу в каком-нибудь трактирчике вместе с чернью и напиваются как свиньи. Но это их дело. Сегодня же пятница. Даже сам Король отдыхает. А что взять с простых работяг?

Пирос усмехнулся, но, взглянув на пузатую бутылку, которая была пустой, он сразу же помрачнел.

– Птолема, душа моя, – сказал градоначальник, пьяно щурясь. – У меня закончился мой сок долголетия. Сходи на кухню и принеси ещё.

Птолема повернулась к нему и тихо произнесла, робко глядя на Пироса:

– Хорошо, ваша светлость, сию же секунду.

– И побыстрее, будь добра, – сказал Пирос и откинулся в кресле.

Как выяснилось, пока нет вина, тёмные думы всё же начинают зреть. В этом Пирос убедился лично, пока Птолема ушла за вином.

А всё-таки день не такой уж и отличный. Не такой уж и лучший, как он подумал сначала.

Как только их лихие шахтёры прорубили новое окно и нашли несметные богатства, туда же заявились эти тупые животные с плоскогорья – кроги. Огромные и вонючие, с коричневой кожей и жёлтыми клыками. Отвратительная помесь обезьян с людьми. Они как будто ждали этого.

«Эти твари хотели забрать наши богатства», – подумалось Пиросу.

Он встал, неуклюже отшвырнув кресло, и вальяжно подошёл к окну, за которым всё ещё бушевала гроза.

«Они хотели забрать мои богатства, – поправил себя Пирос. – Но ничего, наши работяги не отдали им ни гроша».

И действительно, стычка с крогами ни к чему не привела. Им пришлось уйти ни с чем. А под вечер в их страну приехал даже сам посланец крогов с грамотой от самого властителя Плоскогорья и Пустыни – Агазона. Он приносил извинения за своих солдат и даже предлагал хорошую сумму золотых, чтобы уладить конфликт. Их империя находилась на востоке и была гораздо крупнее. Но вообще-то кроги всегда были миролюбивыми: выращивали кофе на своих плантациях, разводили верблюдов и вот иногда трудились в шахтах.

Разумеется, Пирос был далеко не против такого примирения. Он сказал посланнику, что согласен примириться с Агазоном, а на ночь оставил гонца в своём особняке, предварительно распив с ним доброго вина. Однако всем умным людям известно, что в больших количествах доброе вино превращается в злое, поэтому скоро огромный крог уже спал лицом вниз, и его пришлось нести в свою опочивальню трём крепким ребятам из гвардии.

Но это всё мелочи. Главное, что скоро Пирос весьма неплохо обогатится, а его город прославится на всю страну. Быть может, даже сам Король прибудет, чтобы лично выразить благодарность. Нет, ну а что тут такого? Как-никак теперь экономика их маленькой и дружелюбной страны в безопасности на много лет вперёд.

Пока Пирос впал в мечтания о том, как Король немедленно появляется здесь и поёт ему оду, всячески восхищается им, просто-напросто трепещет от восторга, Птолема медленно – очень-очень медленно – возвращалась в кабинет градоправителя с кухни по тёмному, еле освещённому коридору. Ей вовсе не хотелось долго терпеть того жирного пьяного идиота и она уже жалела о том, что её собственная тётя пристроила её в этот особняк.

Конечно же, вариантов у неё было не так уж и много: либо идти в бордель и обслуживать солдат за кусок хлеба, либо устроиться прислугой к градоправителю. Не такой плохой выбор она сделала, если хорошо подумать.

Третьего дано не было. Нет, только не в их городке, где между двумя слоями населения так отчётливо прослеживалась граница. Причём буквальная: на возвышении, на площади, был целый элитный квартал, где жили одни богачи: зажиточные купцы, командиры, полководцы, сам градоправитель. А вниз от этой площади уходили улицы, где жили все остальные и где помои выливали из окон прямо на улицу. Чем дальше – тем более нищие. Совсем на границе с Игнисом, где стояла та самая Белая Крепость, где был шахтёрский лагерь, царило полнейшее беззаконие. Там могли ограбить прямо посреди дня, туда соваться было небезопасно. Конечно, если тебя не сопровождает полк из двух дюжин рослых мечников в кожаных кирасах, как градоправителя. Да, элита и нищета.

И это на границе одной из самых развитых стран Союза Четырёх Драконов!

Чем сильнее Птолема погружалась в эти думы, тем грустнее ей становилось. За стенами особняка грохотала неудержимая буря, где-то бешено хлопали ставни.

Однако скоро её мысли прервал отчётливый звук, донёвшийся с первого этажа: громкий треск, как будто сломали громадную доску. Но буквально сразу же Птолема поняла, что произошло кое-что более существенное: выбило входную дверь.

Теперь первый этаж особняка Пироса наполнился чудовищными звуками: рёв дождя, грохот мебели, звон зеркал. Это всё было настолько чётко и отчётливо, что девушка не на шутку испугалась: а уж не грабители ли ворвались в поместье градоправителя?

И тут она услышала мягкие шаги, поднимающиеся по лестнице на второй этаж. Лестница с первого этажа как раз вела в кухню, а оттуда было два коридора: один в кабинет его светлости, а другой – в гостевую опочивальню, где спал гонец из пустыни. И кто-то явно намеревался пройти один из этих маршрутов.

И тот, и другой коридоры освещались светильниками на стенах. Но проблема была в том, что свет был очень тусклый, и разглядеть что-то было очень трудно. Всюду в каких-то адских танцах плясали тени. То ли из-за того, что кое-кто забил на свои прямые обязанности и не протирал их, то ли из-за тайной магии.

Птолема с шумом втянула воздух и задрожала всем телом: такого ужаса она ещё не испытывала. Некогда привычный пятничный путь превратился в непроходимую дорогу, полную ужаса и страданий. Сердце бухало где-то в голове, во рту появился горьковатый привкус. В следующую секунду она выронила бутылку из рук и та с гулким звоном ударилась о пол, но не разбилась.

Незнакомец всё так же тихо ступал, как будто не хотел напугать своей внезапностью.

«Это конец... Ну как же глупо, а...» – отчаянно пронеслось в голове Птолемы, а потом она скорее почувствовала, чем услышала, что незваный гость уже подошёл к ней вплотную и она перестала контролировать себя. Ей завладел липкий парализующий ужас.

А этот человек (если это было человеком) уже стоял на расстоянии поцелуя: Птолема чувствовала его смрадное дыхание, вонь тысячи трупов. Но теперь его можно было рассмотреть: крупного парня в рубахе с широкими рукавами. А на лице – две чёрные дыры вместо глаз. Волосы мокрые, прилипшие к мертвенно-бледному лицу, по которому стекают струйки дождевой воды. Наверное, его ничуть не заботил свой внешний вид.

Неизвестно, сколько бы они так простояли, но очень скоро из кабинета лорда послышался крик, полный ненависти и негодования:

– Птолема! Куда ты там провалилась, Дракон тебя дерит!

Вернее, прозвучало это как «Птоем, кда-а... ты-ы... таа-м... про-о-валился-я... дркн тбя дерит!». Наверняка доброе вино очень знатно расслабило мозг градоправителя, и даже на шум в поместье он не спешил выйти. Или упал где-то рядом с дверью и просто не мог.

Но было заметно, что этот крик градоначальника позабавил гостя: он улыбнулся.

И Птолема закричала так, как никогда не кричала; до острой боли в голосовых связках. И это неудивительно – такой улыбки она никогда не видела. И подумала, что больше не увидит вообще ничего.

Гость склался двумя рядами длинных, кинжалообразных зубов, как у какой-то чудовищной хищной рыбы. И среди них прослеживалось четыре больших клыка: два сверху и два снизу. И самое ужасное было в том, что все зубы были замазаны кровью. Она была густой, но в то же время пенилась на этом смертельном частоколе, на тёмных дёснах. И это была свежая кровь. Птолема могла поклясться в этом.

Пасть гостя стала медленно открываться, вонь усилилась многократно, теперь служанка почти что теряла сознание от лютого ужаса, но смотрела прямо в разверзнувшуюся чёрную бездну перед ней и не могла отвести взгляд.

Но тут из-за её спины послышался голос Пироса: он как будто сразу протрезвел.

– Эй, Птолема! Что там у тебя происходит?!

В его голосе слышалась явственная тревога.

Она поняла, что он вышел из своего кабинета и стоял прямо посреди коридора, силясь разглядеть происходящее между ней и пришедшим гостем. Тот уже с громким клацаньем захлопнул свой бездонный рот и смотрел её поверх плеча, в сторону нового участника их маленькой пьесы. И по его выражению лица (или морды) Птолемея поняла, что это существо нашло того, кого искало.

– Чего это ты не спишь в такой поздний час, уважаемый? – весело спросил гость и, чуть помедлив, внезапно бросился в сторону Пироса, плечом сбив Птолемею. Она с глухим воплем полетела на пол, но почти тут же поднялась: это внезапное столкновение вывело её из оцепенения.

Оглушительный, полный отчаяния и безысходности, крик градоправителя секирой воткнулся ей в темечко и зазвенел в ушах. В этой полумгле она сумела увидеть, что нападавший вцепился в горло Пироса и тряс его из стороны в сторону, как собака – тряпичную куклу.

Захлёбываясь слезами, девушка побежала к лестнице. Вернее, попыталась. Ноги стали ватными, и она еле ими передвигала, звучно завывая во весь голос от тяжести рухнувшего ужаса на её нежные плечи. Сзади как будто орудовала свора диких собак, пытающихся разорвать брошенную им курицу.

Но, наконец, она добежала до лестницы. Казалось бы, ещё пару шагов – и вот оно, спасение. Но не тут-то было. Голова у неё сильно кружилась, а первый этаж был полностью поглощён мглой – видимо, все светильники там были разбиты. Схватившись дрожащими руками за перила, Птолемея стала спускаться, как в этот момент на месте расправы послышался дикий рёв: гость, видимо, обнаружил, что служанка, которую

он оставил на потом, всё-таки набралась смелости и сбежала.

Судя по топоту, она поняла, что монстр бросился за ней, и поэтому она прыгнула вниз – в темноту, и кубарем скатилась по лестнице, порвав платье, проехав по осколкам от зеркала, разбитого чудовищем. В тот же момент резкая боль пронзила её ладонь насквозь – и без света было понятно, что ей в руку впился один из больших осколков.

И, как только Птолемея поднялась, чтобы бежать, исчадие ада настигло её и мощным ударом сбilo с ног. Девушка тяжело рухнула у стены.

Вжавшись в пол, она понимала, что он стоит прямо над ней: огромный, полный первобытной свирепости. Она слышала, как он обнажает свои клыки, чтобы растерзать её, как Пироса. Она чувствовала, как он наклоняется к ней, чтобы довершить кровавую трапезу – нестерпимый смрад заполнил всё вокруг.

И в этот момент, не помня себя от такого потрясения, она выдернула осколок из руки, как тогда – в не таком уж далёком детстве, когда она так же упала, только на выбитую витрину. Но сейчас над ней стояло само воплощение ужаса, готовое уничтожить её, просто разорвать. Поэтому Птолемея крепко зажала осколок и, коротко взмахнув, вонзила его прямо куда-то в область груди этому «благородному господину». Осколок не встретил никакого сопротивления и вошёл плавно, как нож в масло.

Чудовище дико взревело и отпрыгнуло назад, теперь в помещении стало светлее – из монстра сыпались мириады искр, прямо на пол, озаряя гостиную. Он устался на место, откуда торчал осколок, и, схватившись за него обеими руками, словно это был не осколок, а самурайский меч, вошедший по самую рукоятку, стал медленно тянуть.

Но у Птолемеи не было времени наслаждаться триумфом и тем более ликовать: она снова поднялась и бросилась наутёк, сбивая на своём пути разбросанные вещи. Запнулась о перевернутый стул и чуть не упала, но смогла удержаться на ногах. И через мгновение служанка уже наступала на щепки, оставшиеся от входной двери, а ещё через секунду она бежала под проливным дождём, захлёбывалась горькими слезами и задыхалась от порывов ветра, бьющих прямо в лицо.

Да, и такое случается.

Гроза уже не грохотала, просто шёл сильный дождь, который обещал смыть этот чёртов город и унести его прямо на дно океана, в пасть Морского Зверя.

Так думал и Майер, ветеран войны, который уже разменял шестой десяток, а борода его давно была седая. Он сидел за столом при свечах и курил трубку.

Майер был очень хмур, потому что чувствовал: в городе что-то не так. Что-то этой ночью бесповоротно изменилось. Он буквально сверлил взглядом стену, как к его выдавшим не одно ранение плечам нежно прикоснулись – конечно же, дело рук его жены.

– Время уже – поздняя ночь, а ты всё не спишь, – мягко сказала она с убаюкивающей нежностью и безгранично тёплой заботой в голосе. – О чём думаешь? Всё о прошлом?

– Да, – коротко ответил ветеран, хмурясь ещё больше. – И о будущем тоже.

В голову ему лезли воспоминания о том, как они с Королём ходили в поход двадцать лет назад, чтобы освободить пленников из лап чудовищ, живущих на тёмных землях. Как они резали глотки их мужчинам и насиловали их красивейших женщин – высоких, статных, черноволосых, далеко неровню людским женщинам. Само собой, об этом он не мог рассказать своей любящей жёнушке – Майе.

Перед его глазами до сих пор стояло пламя, которым они сожгли замок их императора. Конечно же, вместе с ним и его семейкой. Больше они никого не смогут сделать своими рабами и заставить работать в своих каменоломнях.

Для всех он был героем того похода, неоднократно раненным в жестоких боях. О зверствах, учинённых при этом, разумеется, никому не рассказали. Возможно, даже сам Король был не в курсе – лично в освобождении он участия не принимал, хоть и торжественно скакал впереди колонны назад, словно он бросался в бой самый первый и уходил самый последний...

Ага, конечно. Но зато Король на обратном пути героически подобрал того умалишённого мальчишку, чудом выжившего в плену у...

И тут в дверь постучали.

Он почувствовал, как жена вздрогнула.

– Кого это там принесло в такую ночь? – взволнованно спросила Майя, сжимая плечи мужа гораздо крепче, чем секунду назад.

– Я открою, – проворчал Майер и медленно поднялся, отчего в колене у него заныло. Да, поднятие тяжестей в молодости давало о себе знать всё чаще. – Кто там, чёрт бы вас побрал? – прокричал он и похромал к двери.

В дверь постучали ещё раз, теперь уже более взволнованно и часто.

Скрипнув засовом, Майер открыл не только дверь, но и свой рот, ибо он наполнился удивлением: на пороге стояла Гретта, их соседка. Её можно было узнать сразу, пусть она была одета в плащ с капюшоном и сапоги. Стало понятно, что Гретта крайне взволнована.

– Что стряслось? – спросил Майер, отстраняясь от прохода, как бы приглашая соседку в дом. Та быстро вошла, её била мелкая дрожь.

– Фредерик пропал, – ответила она дрожащим голосом. – Он пошёл искать Патрицию, та убежала, ну она как всегда стала расспрашивать, а я не сдержалась и... и...

– Стой, подожди, – оборвал её Майер. В то же время к ней спешно подошла и Майя, взяв за руки. – Фредерик пропал?!

– Ну да, – нетерпеливо бросила Гретта. – Он ушёл искать Патрицию, которая убежала ещё вечером из дома. И до сих пор они не вернулись. И я не знаю, что делать и куда идти.

– Так, всё это мне не нравится, – промолвил Майер, однако его голос вновь стал тем, которым он отдавал приказы двадцать лет назад: полным решимости. – Ты хотя бы знаешь, в какую сторону он ушёл?

– Нет! Я понятия не имею! – крикнула Гретта и разрыдалась. Майя стала стягивать с неё плащ.

Майер молча пошёл подошёл к деревянному шкафу, грузно переваливаясь: он всегда был крупным, а после списания из войск ещё набрал прилично. Однако это ничуть не ослабило его боевой характер. Ветеран снял плащ с вешалки и стал натягивать его на себя.

– Ты куда это собрался?! – встревожено воскликнула Майя, прижав к груди плащ Гретты, что ещё держала в руках.

Майер окинул женщин хмурым взглядом, а потом поднял с пола стеклянный фонарь, всё время стоявший в углу.

– Принеси мне свечу, зажгу его, – тихо, но отчётливо произнёс старик.

– Ты куда собрался?! – повторила Майя. Теперь почти крикнула. И тут же испугалась ещё сильнее, чем секунду назад. Но уже не за него, а за себя.

В этот же момент она увидела, как её супруг ещё больше помрачнел, просто налился печалью напополам со свирепостью, и подумала, что он не на шутку разозлился. Как тогда, двадцать лет назад, когда он вернулся из похода, а она развлекалась с соседским мальчишкой. Лупил он её нещадно, просто вбивал её голову в пол, но она всё-таки чудом выжила и даже не стала калекой. Что сказать, старая закалка.

Но он её не бросил, видимо, всё-таки очень любил, поэтому не убил и простил её слабохарактерность и слабую волю. Или были какие-то иные причины, о которых она не знала.

Но в этот раз её муженёк не стал её лупить, даже не стал орать. Просто глубоко задышал, тревожно стреляя глазами по сторонам.

– Я чувствую, – произнёс Майер и тяжело вздохнул. Свободной рукой он провёл по лицу, как будто вытирая его от пота. – Чувствую ещё со времён войны всякое дерьмо, всякие нехорошие вещи. И знаешь, дорогая, сейчас именно тот момент. Я чувствую с начала этой грозы, что у нас в стране снова назревает что-то такое...

– Война?! – перебила Майя. Она была очень бледна, лампа отбрасывала на её лицо зловещие блики.

– Может быть, – задумчиво произнёс ветеран, снова вспоминая, как они рубили тех, других. – А теперь носи эту свечу сюда, и я зажгу свой фонарь. А потом мне надо найти Фредерика. И его девочку. Или хотя бы попытаться. Вы сами знаете, что в наших кварталах просто так люди не прогуливаются до глубокой ночи в такие грозы.

– Ты думаешь, что один справишься? Ну уж нет, я иду с тобой, – решительно сказала Майя и сделала два шага навстречу.

– Нет, – резко бросил Майер приказным тоном, да так, что Майя встала как вкопанная. – Ты остаёшься с Греттой. Если я к утру не смогу их найти, то обращусь к начальнику пограничной гвардии, пусть оторвёт себя от своего кресла и займётся своей работой.

– Милый, давай ты будешь там аккуратнее? – предложила Майя и нервно улыбнулась.

Она принесла лампу, чтобы зажечь фонарь. Было очевидно, что если ему – старому ветерану, который ничего прежде не боялся – взбредёт какая-то идея в голову, её оттуда ничем не выбьешь. Хоть кувалдой колоти, всё равно бесполезно.

– Так точно, – бросил Майер и вышел из дома, хлопнув дверью.

Птолема упала дважды на брусчатку, в кровь разбив свои колени. Бежала она очень долго и торопилась убраться от поместья градоправителя как можно быстрее. И такая ночная прогулка под лютым дождём в промокшем платье могла дорого ей стоить.

Когда она упала третий раз, но на этот раз набок, она поняла, что полностью выдохлась. Её дыхание было тяжёлым и прерывистым, поэтому, как она ни прислушивалась, не могла слышать погони. И видно ничего не было, а шум хриплых вдохов и выдохов вместе со стуком сердца заполнили всё вокруг.

Медленно встав, девушка немного отдышалась и почувствовала, как саднят разбитые колени; как жжёт ладонь, разрезанная осколком. Осмотрев конечность, Птолема ужаснулась: вся до локтя рука была измазана кровью, это было жуткое зрелище.

Гром грохотал где-то далеко, гроза, по всей видимости, сходила на нет, даже дождь из ливневого превратился в моросящий.

Спустя несколько мгновений служанка побрела дальше, стараясь держаться как можно ближе к домам. Она совершенно не понимала, в какой район зашла, и мысль о том, что теперь она будет блуждать тут до самого конца, всё глубже вгрызалась ей в голову.

Птолема медленно шла, она уже давно скинула обувь – ещё в начале погони – и теперь понимала, что её ступни тоже изранены. Наверное, где-то наступила на острый камень. Теперь вместо страха не пришло облегчение, наоборот – дикий ужас, а потом и всепоглощающее отчаяние.

Буквально несколько часов назад какой-то монстр (а она уже не сомневалась, что это не человек, пусть никогда и не сталкивалась с чем-то подобным) разнёс в щепки входную дверь (!) в поместье градоначальника (!!), устроил там настоящий погром (!!!), а потом и вообще убил самого Пироса в особо жестокой манере (!!!!).

И хоть у Птолемы и не было достаточного образования, и умом она особым никогда не отличалась, девушка не сомневалась, что теперь начнут искать именно её, так как все кругом знали служанку Пироса. Да и вообще, куда первым делом наведуются гвардейцы, когда обнаружат, что произошло? Конечно же, к её разлюбленной тётушке, которая и пристроила туда Птолему.

Сама тётушка была в услужении одного из авторитетных воинских чинов, которого побаивался даже сам Пирос, поэтому ей не составило труда предоставить кандидатуру Птолемы на роль гувернантки, причём так, чтобы её взяли.

И теперь, бродя по ночному городу среди незнакомых улиц, с разодранным платьем, разбитыми коленями и разрезанной рукой, Птолема уже почти что ненавидела свою тётю. Да, люди бывают очень слабы духом перед лицом внезапных трудностей.

Так и брела бы она по улице, изнывая от ран и переживаний, если бы не увидела, как далеко впереди из-за угла одного из домов нарисовался силуэт: крупный человек, медленно идущий ей навстречу. В его руке был фонарь, который отсюда представлял собой огонёк. Казалось бы, вот оно – спасение, огонь надежды, так скажем.

Но только не для Птолемы. Мимолётное чувство радости тут же сменилось внезапным испугом.

«Теперь никому нельзя попадаться на глаза», – обречённо подумала Птолема и на её глаза опять навернулись слёзы, а горло засадило в преддверии рыданий. Она не знала, почему это должно быть так важно, но почему-то была уверена, что оставаться как можно более скрытной – залог её безопасности.

Поэтому она развернулась и побежала. Снова. Шлепки босых ног эхом разносились по пустой улице, девушка бежала со всех ног, уже не чувствуя ничего, кроме желания спрятаться куда-нибудь. Птолема уходила дворами всё дальше и дальше, вглубь незнакомых кварталов. Кварталов нищих, где она никогда не появлялась.

Конечно же, Птолема привлекла взор тех, кто есть в любом городе, и кто никогда не спит, а терпеливо выжидает. Тем более в таких местах.

Если бы она знала, к чему это приведёт, бывшая служанка предпочла бы остаться в доме градоправителя и лежать с прокушенной глоткой.

Майер шёл по улице, хлюпая сапогами и прихрамывая на одну ногу. Прямо перед собой он держал фонарь и силился хоть что-нибудь рассмотреть впереди. Вскоре дорога под его

ногами превратилась в брусчатку, наверное, он дошёл до того места, где начинается квартал элиты.

Подняв голову, Майер увидел перед собой громады элитных особняков: разумеется, каждый друг от друга на почтительном расстоянии, и многие – самые крупные, в несколько этажей, огорожены высокими стенами, а некоторые – приземистые домики, пусть гораздо просторнее, чем у черни. Да, Майер прекрасно знал, что простой люд они считали за чернь, но ему было абсолютно плевать на это.

Самым первым, разумеется, был дом градоправителя – особняк в два этажа. Его не огораживали высокие стены, потому что Пирос хотел при каждом удобном случае продемонстрировать королю, что он близок к народу. И, опять же, все прекрасно знали, что в подвале этого поместья однозначно спрятано кой-какое добро, так сказать, всё то, что Пирос нажил честным трудом, помогая людям.

И тут Майера осенило: с его поместьем что-то не так. Пусть он стоял на почтительном отдалении, но не мог не заметить открытую входную дверь.

«Хм, кажется, наш дорогой градоправитель опять напился как сапожник и даже не закрыл за собой дверь. Тьфу ты, свинья!» – раздражённо подумал ветеран и развернулся: делать ему тут было нечего, потому что даже в самом последнем беспамятстве Фредерик бы не пошёл в эти кварталы, да и Патриция, хоть ей и было всего двенадцать лет, прекрасно понимала, что сюда нельзя заходить. Да и вообще уходить далеко от дома!

Майер ещё раз плюнул и пошёл вниз по улице, продолжая свои поиски, борясь с этими мыслями о прошедшей войне, так настойчиво лезшими в голову.

Можно сказать, что тот поход закончился для них удачнее некуда – пленников освободили. Надо сказать, ими оказалась семья бывшего градоправителя, лично дружившая с Королём. Они просто пропали однажды утром. Как выяснилось, что они в плену у тварей из тёмных земель, Майер не знал – да и никто не знал, кроме самого Короля и его приближённых. Но простым солдатам не очень-то и важно было это знать: жалование платили хорошее, компания была дружная, поход за границы Союза Четырёх был простым. Да и вообще, с ними рядом тогда был сам Король! Где это видано?

Так и шёл ветеран, шлёпая по лужам. Его молодость была давно позади, как и была слава бесстрашного королевского солдата. Как так вышло, что элитный воин из отряда Короля оказался под пенсию в нищих кварталах пограничного городка – он и сам не помнил. Это же жизнь, тут бывает всякое.

Через два дома была маленькая развилка: либо спускаться вниз, в сторону своего дома, либо идти вверх. Ветеран выбрал второе и медленно начал подъём, проходя мимо обшарпанных стен лачуг бедняков, но спустя сто метров он встал как вкопанный: впереди лежал какой-то маленький мешок или комок тряпья, но фонарь был слишком тусклый, чтобы рассмотреть с такого расстояния.

Пришлось подходить вплотную, чтобы понять, что это такое. И сделав ещё несколько нетвёрдых шагов, Майер свалился замертво с сердечным приступом, потому что нашёл то, что искал. Нуу... как нашёл. Только разодранное тело маленькой девочки без головы.

Хоть глаза этого старика и видели всякое, но сердце стерпеть такого не сумело.

– Вставай, ленивая скотина! – резко заорали противным голосом под дверью, и в следующее мгновение она была распахнута пинком. В проёме стоял тощий, чумазый мужик в жёлтой грязной рубаше и брезентовых брюках. В руках он держал керосиновую лампу. На голове у гостя была шапка, натянутая по самые брови. – Какого хрена ты тут валяешься? Поднимайся, Иосиф, поднимайся! Работа не ждёт!

Иосиф тяжело сел на кровати, и та протяжно заскрипела под его центнером.

– Чего ты орёшь, Мадан? – хрипло спросил верзила. Он был одет в хлопковую кофту и рабочие штаны.

– Там на улице девка, – мерзко склабясь, прогнусавил тощий. – Потеряшка.

– С чего ты взял, что она потеряшка? – сонно спросил Иосиф.

– Потому что бежит и оглядывается. Но далеко она не убежит по здешнему краю, – всё по-прежнему гадко улыбаясь, продолжал Мадан. – У нас будет достаточно денег, и теперь мы спокойно свалим отсюда.

Иосиф тяжело поднялся. Стоя он возвышался над Маданом на добрую голову.

– Ты что, всю ночь на улице простоял?

– Да, – став серьёзным, произнёс Мадан. – Я проснулся из-за того, что кто-то где-то вопил. И решил покараулить. И как видишь, не зря.

– Ладно, хватит трепаться, пойдем, познакомимся с красоткой, – буркнул Иосиф и вышел, едва не задев плечами дверной проём.

Мадан мерзко расхохотался и вышел следом.

Да, лёгкая работа. Постоянная. И хорошо оплачиваемая.

Они выбрались из этого барака с множеством комнат, в котором кто только на ночь не оставался: и бомжи, и проститутки, и другие разбойники. Но второй раз они здесь уже не появлялись. Это был их барак, поэтому правила здесь устанавливали эти ребята: если ты сюда попал однажды, то уже не выйдешь.

Спустя несколько часов должен был наступить рассвет, но пока ещё стояла темнота, так что Иосиф и Мадан ничуть не боялись быть замеченными. Совершенно не сговариваясь, мужики бросились прямо через дворы, как стая гончих. Они уже не в первый раз проделывали такое. И каждый раз Иосиф сдувался через несколько десятков метров, но чаще всего этого было достаточно.

Миновав ещё несколько дворов, бегуны оказались на перепутье и остановились. Мадан держался неплохо, просто глубоко дышал, а вот верзила, кажется, был на грани, как загнанный бык.

– Тише, – прошипел тощий. – Я чую её страх. Она где-то здесь.

– Давай! Ищи быстрее, пёс смердящий, – фыркнул Иосиф, пыхтя как паровоз.

Мадан молча бросился по улице: его вело чутьё, которое никогда не подводило.

Грязно выругавшись несколько раз, здоровый тяжело побежал вслед за Маданом.

Птолема уже поняла, что попала в самый настоящий лабиринт улочек и дворов самых нищих кварталов. Никаких звуков, кроме собственного разгорячённого дыхания, она не слышала, только чувствовала, как отовсюду воняет помоями.

И куда, скажите на милость, куда она побежала?!

Но жалеть теперь было поздно. Поддавшись эмоциям, она на какое-то время потеряла связь с рассудком: в восемнадцать лет не каждый способен пережить такое и остаться в здравом уме.

Теперь, ближе к рассвету, темнота не сгущалась, но стало гораздо холоднее. И в довершении ко всему появился противный кашель, дерущий горло.

Бежав без оглядки, Птолема забежала в какой-то тупик: здесь были уже не дома, а бараки, которые наседали друг на друга, угрюмо таращась чёрными окнами на хрупкую девушку, оказавшуюся здесь по глупой случайности.

Где-то далеко опять залаяли собаки, где-то далеко пьяно хохотали. И больше никаких звуков.

Неизвестно, сколько бы она стояла ещё перед этими зданиями, если бы не услышала надрывное дыхание и топот ног: кто-то нёсся сюда во весь опор. Какие-то люди.

Птолема мгновенно вышла из оцепенения и бросилась к одному из барачков, который с виду пустовал – дверей в нём не было, единственное окно было с разбитым стеклом.

Ворвавшись в него всем своим небольшим телом, Птолема запнулась о какой-то брошенный предмет прямо посередине, и с глухим воплем растянулась на мокром полу – дождь изрядно намочил этот барак изнутри. Собственно, ничего удивительного.

– А где наша красавица, а? – игриво послышалось с улицы, и внутрь кто-то вошёл.

Птолема лежала лицом вниз и проваливалась в пучину отчаяния всё глубже и глубже. Ей было очень страшно, но сил никаких не осталось, чтобы подняться и посмотреть, кто же, мать их так, к ней зашёл на огонёк. Но судя по звукам, их было как минимум двое.

Один тяжело подошёл поближе, всё ещё пыхтя и отдуваясь после предутренней пробежки.

– Ух, какая, – послышалось прямо над ней. Голос глубокий, басистый. Скорее всего его обладатель довольно огромный. – Давай, вставай, дорогуша, хватит тебе отдыхать.

Птолема снова расплакалась. Ей казалось, что в эту ночь на неё свалилось больше, чем может вынести восемнадцатилетняя девочка.

– Поднимайся! – рявкнул сзади другой писклявым голосом и с размаху пнул бывшую служанку прямо по бедру. Она взвизгнула и, подпрыгнув на месте, медленно поднялась. Теперь она плакала уже в голос.

– Эй! – заорал в ответ здоровяк и пихнул тощего. – Ты совсем идиот? Ты что делаешь? – Он посмотрел на Птолему и положил ей руку на плечо. Тяжёлую, как мешок с зерном. – Она нам ещё пригодится. Как тебя зовут, дитя?

Птолема молча подняла на него усталый взгляд, полный боли и досады.

– Ладно, пошли, – буркнул тощий и вышел из барака.

Следом за ним пошёл и здоровый, прижав Птолему к себе, как старого друга, которого давно не видел.

Утро. Туман стелился по улочкам нищих кварталов, как дым после артиллерийского обстрела. Но воздух был пропитан умопомрачительной свежестью, а не дымом и гарью, и каждому, кто выходил на улицу в это утро, казалось, что сегодня будет просто замечательный день. Потому что такое прекрасное свежее утро никак не может предвещать ничего плохого.

Так думал и Квен, начальник стражи, сидя в своём кресле и переживая похмелье после бурной пятничной ночи. За годы службы кресло стало маловато Квену, ибо последний день, когда он был в отличной форме и мог десять часов бежать за преступником (или скакать верхом), был двенадцать лет назад, когда Бурый Лис был обнаружен вместе со своей жёнушкой-проституткой в одной из лачуг нищих кварталов. Никто бы и подумать не мог, что всё окажется так просто! Квен думал, что Бурый Лис уже давненько покинул их страну, убежал через Плоскогорье в Игнис, спасая свою жену и новорожденную дочь. Но здесь нехватка ума Бурого Лиса была ни при чём, просто Квен был гениальнейшим гвардейцем, от него ни однамышь не могла ускользнуть!

Думая об этом, Квена охватила тяжёлая дрема. Ещё спустя пару секунд он спал, уронив лысую голову на грудь, а его седеющая борода, когда-то бывшая рыжей, ниспадала чуть ли не до самого пояса.

Разбудил его топот ног. Подскочив на кресле – оно чуть не развалилось от внезапного рывка – Квен понял, что кто-то несётся к нему в кабинет. Через секунду дверь распахнулась. Прежде чем начальник полиции успел понять, что на пороге крайне перепуганный мальчишка лет тринадцати от роду, босой и одетый в рваную одежду, каким-то образом миновавший его писаря, тот заорал во всё горло:

– УБИЛИ! УБИЛИ! ВСЕХ УБИЛИ! УБИЛИ!

Квен сам испугался так, что у него сердце в пятки ушло.

– Подожди, подожди! – прикрикнул он. – Кого всех? Что ты несёшь, мальчуган?

– ТАМ НА УЛИЦЕ ЛЕЖАТ ТРУПЫ! – ревел, набрав полные лёгкие воздуха, мальчик.

Квен обошёл свой письменный стол, стащив стопку бумаги на пол. Он наклонился над мальчиком, крепко взял его за плечи и хорошенько встряхнул:

– А ну-ка, успокойся!

Мальчишка с клацаньем закрыл рот и намокшими глазами смотрел снизу вверх. Квен ещё пару минут пытался понять, что же ему делать. Нет, разумеется, в этих местах время от времени пропадали люди или даже находили трупы, но всё легко объяснялось. Чаще всего люди просто убегали из страны, пытаясь найти лучшую жизнь за Плоскогорьем. Или же просто убивали друг друга во время пьяных посиделок, только и всего-то, только и всего...

– Где лежат? – осторожно спросил Квен, видимо, опасаясь нового взрыва эмоций свидетеля.

– Н-н-н-на улице, – запинаясь, выговорил парень.

– Пошли! – сказал Квен. – И не дай Дракон ты мне соврал!

– Я не вру! Честно! Не вру! – снова разревелся мальчуган.

Квен молча вытащил его из кабинета за руку, не став брать с собой ни саблю, ни револьвер. Он не сомневался, что мальчишке просто привиделось или что-то в этом роде.

Как оказалось, мальчишка не соврал несколько, поэтому, хорошенько проблевавшись рядом с трупами девочки и старика, Квен стал действовать быстро и решительно. Он мигом вернулся в Управление и поднял писаря, а тот поднял тревогу.

Спустя пять минут там уже было два десятка гвардейцев в тёмно-красных кителях и с чёрными ружьями. Все они напоминали бойцовских собак в униформе, которые вот-вот бросятся в погоню за своей добычей.

«Так, слушайте меня все! – прокричал Квен, брызжа слюной. – Произошло ужасное! Сегодня ночью было убито два человека, одна из них – маленькая девочка – в особо ужасной манере. Ей попросту снесли голову! Кстати, голова до сих пор не найдена!

Поэтому нам надо во что бы то ни стало найти ублюдков, совершивших такое! Итак, запоминайте!

Первое: вы должны найти родственников умерщвлённых, отправьте весть по нищим кварталам! Пусть глашатаи разнесут от одного края до другого.

Второе: скачите во весь опор в Сторожевой пункт. Допросите всех дозорных, которые были на стенах в эту ночь! И пусть Крамель знает своё место и не препятствует мне, иначе я ему устрою весёлую жизнь!

Третье! Возьмите отряд солдат у Крамеля и пусть они займутся опросами местных жителей! Не может быть такого, что никто ничего не видел!

А я пока к градоправителю Пиросу, чтобы сообщить о случившемся.

Задача ясна, драконьи гвардейцы? Так выполняйте её!»

Застучали сапоги. Гвардейцы наперевес с ружьями ринулись выполнять приказы. Точь-в-точь бешеные псы, почувствовавшие свежую кровь. У каждого из гвардейцев на поясе висел кинжал, а на голове был медный шлем, у некоторых в голенищах сапогов были затолкнуты большие ножи.

Квен привык быстро разбираться с отъявленными ублюдками, которые не гнушались совершенно ничем. С Бурым Лисом он разобрался и был уверен, что и в этот раз ему ничего не будет стоить поймать и самолично вздёрнуть преступника. Думая об этом, Квен заспешил к градоправителю. На этот раз он взял с собой револьвер. И хорошо.

Ещё не доскакав до поместья Пироса метров восемьдесят, Квен уже видел, что дверь была выбита. Подстегнув лошадь, он через несколько мгновений уже спешивался прямо рядом с зияющей дырой в проёме первого этажа.

Пока Квен медленно входил в прихожую, видя, что кругом разбросана мебель, разбитые светильники и стекло от зеркала, он вспомнил давний момент, когда говорил Пиросу, что нужно бы возвести стену, ограждающую поместье, а ещё лучше выставить круглосуточный дозор.

Градоправитель лишь смеялся и говорил, что в этих местах ничего случиться попросту не может, а если будет полный дом гвардейцев, как же он сможет по выходным расслабляться, пить вино и искать утешения в объятиях путан?!

Теперь Квен заметил и кровь. На осколках прямо под ногами. Не так уж и много, но достаточно, чтобы достать револьвер из кобуры и, открыв барабан, проверить, все ли на месте патроны. Стараясь ступать бесшумно, начальник городской полиции всё-таки понял, что он уже не такой бесшумный и незаметный, как десять лет назад. Под его сапогами то и дело хрустело стекло или скрипел пол.

Медленно добравшись до лестницы, начальник стражи понял, что по его лицу стекают струйки пота от невыносимого напряжения. Он крепче сжал рукоять револьвера.

Осталось 10 ступеней.

Квен остановился, глядя на второй этаж. Ничего подозрительного.

Перешагнув ещё две ступени, он снова остановился. Теперь коридор просматривался лучше. Всё чисто.

Преодолев ещё несколько ступеней, начальник полицейской стражи переложил револьвер в другую руку. Он казался каким-то уж неистово тяжёлым.

Осталось пройти всего три ступени, как Квен увидел тело градоправителя. Он лежал дальше своего кабинета в луже – нет, огромной луже – собственной крови. Даже стены были забрызганы. Голова Пироса была запрокинута далеко назад, затылок почти что соприкасался с лопатками, а одна нога подвёрнута под себя, словно градоправитель пытался освоить какой-то тяжёлый элемент из йоги или гимнастики. Только горло у него было разорвано настолько, что виднелся позвоночник.

Позывы рвоты накинудись на Квена с маниакальной силой, но собрав всю свою волю в кулак, он удержался от того, чтобы оросить пол тем, что всё ещё осталось в его желудке.

В этот момент Квен забыл о предосторожности и прошёл оставшиеся ступеньки, даже не удосужившись поразмыслить над тем, есть ли кто-нибудь с другой стороны коридора на втором этаже. Поэтому когда Квен только неуверенной походкой приближаться к новому трупу, на него сзади – прямо из-за угла – обрушился тяжёлый удар, словно кто-то сидел в засаде и ждал, пока жирный престарелый стражник наконец-то поднимется на этаж.

Удар пришёлся куда-то в область левого плеча и ключицы, но Квен всё равно упал, глухо вскрикнув. Ощущения были такие, словно били неуправляемой тяжелой кувалдой с размаха, но времени у гвардейца не было, чтобы лежать и прислушиваться к ощущениям. Он машинально подскочил и сделал бросок вперёд, рухнув всей тяжестью лицом вниз подальше от противника, чтобы тот его не сразу достал, когда соберётся наносить второй удар.

Резко крутанувшись на полу, как крокодил, поймавший добычу, Квен увидел того, кто сбил его с ног.

Это был огромный крог. Широкоплечий, с лапищами, свисающими чуть ли не до колен. Его мышцы угрожающе бугрились под тёмной туникой, а взгляд был полон убийственной ярости, что вряд ли могло быть признаком дружелюбия для мирного посла из союзного государства.

– Стой, где стоишь, чудище, – вполголоса произнёс Квен, борясь с отдышкой и бешеным трепетом. Он стал медленно поднимать свой револьвер, который каким-то чудом не выронил во время нападения. Левая рука ни в какую не хотела слушаться, более того, область ключицы и лопатки слева просто взорвалась болью. Правая рука дрожала, но всё-таки палец уверенно лёг на курок.

Крог издал утробный звук, похожий на рык, и тут же прыгнул вниз по лестнице, буквально одновременно с тем, как Квен нажал на спусковой крючок. Выстрел был просто оглушительный, раскатом пронёсшийся по коридору. Но пуля попала в стену, оставив приличных размеров дыру.

Резким рывком Квен перекатился к перилам лестницы, готовясь взять на мушку существо, по всей логике должно оказаться как раз у входа. И он не ошибся – монстр уже был готов выпрыгнуть через проём на улицу, чтобы дать дёру, как Квен ещё раз выстрелил, всё-таки выронив свою мини-гаубицу из потных ладошек, а левая рука вообще больше не могла удерживать пистолет в любом случае.

Но в этот раз пуля попала прямо в спину крогу, отчего тут яростно взревел, как раненый слон. Он задержался прямо у входа и медленно повернулся к гвардейцу. Его жёлтые глаза горели адским пламенем исподлобья. И в этот момент посланец заметил, что его вооружённый преследователь ошарашен, и трясущимися руками, как в припадке, пытается снова поднять револьвер, чтобы выстрелить третий раз.

Однако сейчас монстр не торопился воспользоваться, быть может, единственным шансом на спасение и не стал убежать. Видимо, ярость поглотила страх, и крог пошёл обратно к лестнице, чтобы подняться. Оказывается, обитателю Белой Пустыни пуля из гвардейского револьвера – огромного тяжёлого куска металла с деревянной рукояткой, – почему-то не доставила особых проблем, по крайней мере, пока, и он уверенными шагами стал подниматься по лестнице.

Обливаясь холодным потом, Квен понял, что двумя руками револьвер ему будет не поднять, а выстрелить одной рукой из такой махины означает уронить его снова. Поэтому пора рискнуть и подпустить монстра поближе, которому тем временем осталось пройти четыре ступеньки, не больше.

«Давай, обезьяна, давай, – подумал Квен, наблюдая за раскачивающимся телом крога, который уже замедлился и опирался на перила одной лапищей. – Больше добрый дядюшка Квен не промахнётся и засадит тебе пулю прямо в лоб».

И, наверное, добрый дядюшка Квен действительно бы не промахнулся, но крог резко вырвал добрый кусок перил и просто подбросил их в сторону гвардейца, чтобы те упали на него сверху. И они сделали это. И в ту же секунду, пока Квен замешкался, крог рывком преодолел остаток лестницы и с размаху пнул начальника стражи прямо по рукам огромной ножищей, обувой в кожаный сапог.

Снова грохнул выстрел, но в этот раз пуля вообще ушла в потолок. А крог теперь возвышался над Квеном, готовясь попросту наступить на него и раздавить. Или даже упасть всем весом, чтобы наверняка.

– Хех, – выдавил из себя гвардеец. – Давай, доканчивай то, что начал, твоя взяла. Но тебе всё равно не уйти...

– Сколько солдат на улицах? – прорычал крог. В принципе, они неплохо владели человеческим языком, но когда были не в духе, то их речь становилась очень сильно похожей на рычание какого-то дикого зверя.

– Много, – ухмыльнулся начальник полицейской стражи. – Я же говорю: тебе не уйти.

Крог молча обошёл Квена и поднял револьвер. Неожиданно человек засмеялся, правда, невесело.

– Ты думаешь, что можешь управиться с этим оружием? Палка или камень – вот твоё оружие, – он снова захрипел, выдавливая из себя смех.

Однако тот пропустил мимо своих ушей слова этого жирного стрелка, напряжённо рассматривая оружие. Кстати, держал он его только одной рукой.

– Зачем ты их убил? – снова подал голос отдыхающий на полу. – Тебя твой король послал? Вы думаете, что вы сможете нас победить? Рассорить? Разграбить? Мы просто сожжём ваши

земли, каждый акр! За эту выходку вы все будете истреблены! Попомни мои слова, грёбаный выродок! – на последнем предложении Квен уже просто орал, лицо его побагровело, а с губ летела слюна.

Крог настороженно смотрел на гвардейца, который чем-то напоминал бывшего участника кровавых сражений с последующим помутнением рассудка.

– Кого «их»?

– Ахах, – воскликнул служащий, приподнявшись на локтях. – А то ты не знаешь! Ты убил градоправителя! Ты убил ту девочку, ты убил...!

– Какую девочку? – теперь голос крога уже был каким-то испуганным.

– Да-да, маленькую девочку... Ту маленькую бедняжку! Какой же ты ублюдок! – стражник резко подскочил, собравшись с последними силами, и попытался сделать проход в ноги крогу в стиле какого-нибудь чемпиона мира по вольной борьбе. Но тот лишь отшвырнул его в сторону, к стене.

– Как можно выбраться из вашей долбаной страны в обход крепостных стен? – спросил крог, снова подойдя к гвардейцу. – И если ты сейчас мне не скажешь, клянусь Драконом, я тебя застрелю.

– Стреляй! – заорал гвардеец и встал на колени. – Стреляй уже!

И грохнул выстрел.

Птолема очнулась от тяжёлого сна и поняла, что находится в какой-то маленькой комнате довольно ветхого здания – трещины в стенах были приличных размеров, сквозь которые комната наполнилась ярким солнечным светом. Видимо, был уже полдень, от грозы не осталось и следа.

Оглядевшись, девушка поняла, что лежит на каком-то грязном, вонючем матрасе прямо на полу. Всё тело болело, особенно рука, куда попал осколок прошлой ночью. И, конечно же, горло драло как граблями, а ещё першило, предвещая кашель с минуты на минуту.

Неспешно поднявшись, Птолема подошла к двери и попыталась повернуть ручку. Естественно, заперто.

Теперь девушка попыталась вспомнить, как она оказалась здесь, но ничего, кроме постоянного бега и пинков она не сумела отыскать в своей памяти. Было понятно одно: сейчас она очень далеко от дома Пироса и вообще от элитного квартала.

Выглянув в одну из щелей в двери, она увидела стену. То есть там был коридор в обе стороны, а эта комната, возможно, была одной из множества в этом полуразвалившемся бараке.

Птолема осмотрелась в поисках того, чем можно было бы выбить эту дверь, но ничего кроме матраса в комнате не было. Кстати, на полу остались грязные разводы от прошедшего ливня, ибо такие щели в стенах ничего полезного не могли привнести в любое здание. Наверное, сюда бросали только женщин и детей, потому что любой мало-мальски сложенный мужчина мог бы в щепки разнести, если не барак, то дверь уж точно.

Где-то слева по коридору послышалось бубнение, которое стало неуклонно нарастать. Сюда шли люди, и Птолема не сомневалась, что это были те же, кто её вчера поймал в одном из нищих кварталов.

Через минуту бубнение уже было членораздельным, а шаги отчётливыми. Да, один голос писклявый, а второй – низкий бас. Теперь служанка припоминала, что один назвал другого Маданом.

– Я слышал, что по всему городу сегодня скачут гвардейцы, – сказал верзила. – Ты точно уверен, что это простая потеряшка, и её никто не станет искать? Бродяги рассказывали, что рядом с элитными кварталами кого-то убили. «В особо жестокой манере». Так и сказали.

– Ой, да брось ты, – пропищал второй. – Ты видел её? Она либо дочка крестьянина, либо путана. Из-за таких гвардия не дёргается. И уж тем более она никого не могла убить.

– Не похожа она на путану, – с тоном знатока пробасил другой. – Прачка либо портниха. Да и вообще, чего она бежала? Куда и откуда? И кто такая?

Шаги прекратились. Наверное, Мадан остановился первый, чтобы посмотреть на подельника как на законченного кретина, ибо тот сегодня был какой-то умный.

– Да какая разница? Красный сегодня будет особенно рад. Такая милашка.

– Главное не попасться гвардии, – осторожно заметил Иосиф. – Иначе плакали наши денежки, да и головы тоже.

– Всё будет нормально, я тебе обещаю. Сколько раз мы делали такое, а? Градоправитель пусть нам спасибо скажет, что мы избавляем его город от всякой нечисти.

Он рассмеялся. Как всегда, очень мерзко.

– Ладно, пойдём, наша крошка уже заждалась нас.

Птолема, стараясь не шуметь, отскочила от двери к стене.

Через пару секунд они подошли к двери и на мгновение затихли, потом в замочной скважине захрустел ключ. Открылась дверь, и тощий сказал:

– Доброе утро, красotka.

Второй просто ухмылялся и смотрел на неё, как будто она была куском мяса, а он четыре дня был без еды.

– Кто вы такие? – спросила бывшая служанка, изо всех сил пытаясь унять предательскую дрожь в голосе.

– Мы твои друзья, – заявил лысый и здоровый. – Я Иосиф, а это Мадан. И как тебя зовут-то?

– Птолема, – тихо выговорила девушка. Кончено же, мозгов у неё хватило, чтобы понять, что это не друзья.

– Ладно, Птолема, – сказал Мадан. – Тут дело такое: вечером ты переезжаешь. И ты должна набраться сил. А пока будь лапочкой и посиди тут смирно. Если ты хочешь в туалет, то Иосиф тебя проводит, – он противно ослабил язык. – А потом снова будешь сидеть тут.

– Нет, благодарю, – тихо сказала Птолема. Ей не хотелось ни в туалет, ни поесть, слишком она была обескуражена, испугана и обессилена.

– Ну, смотри сама, – буркнул здоровяк, и спустя пару секунд дверь уже была закрыта снова, а ключ хрустел в замочной скважине опять.

Птолема понимала одно: она попала в руки к бандитам и этим вечером её уведут в другое место, куда уже увели не один десяток человек. И там всем заведует человек по прозвищу Красный. Или, быть может, это была его фамилия.

Она опустила на пол у стены и просто стала ждать, пытаясь придумать, как бы найти возможность для побега. Потому что она не сомневалась, что из рук Красного этого уже будет сделать невозможно.

И, возможно, преступники были не правы: вдруг гвардейцы ищут именно её? Несомненно, так и есть! А эти идиоты даже не догадываются пока о том, что градоправитель мёртв.

Во всяком случае, пока.

К полудню в Управлении собралась уже целая толпа простых зевак, которых пытались разогнать стражники, но безуспешно. Теперь новость об убийстве градоправителя помчалась по всему городу, а через пару недель об этом и будет знать вся страна – из города в город регулярно снуют торговцы различным добром.

В своём кабинете сидел Квен, а рядом с ним находился местный лекарь, замотавший его от груди по пояс в бинт.

– Повезло вам, товарищ гвардейский, что у вас только два перелома – запястья и ключицы. После таких ударов-то!

– Да плевать мне! – взревел тот, топнув ногой о пол. Теперь с левой стороны на нём была двойная перевязь, не дающая ему нормально сидеть в кресле, но он всё равно там сидел. – Выйдите все отсюда! Все до единого! Кроме тебя, – резко добавил он, кивнув головой на худощавого мужчину средних лет, одетого в простую рабочую одежду.

Когда все вышли, повисло молчание. Казалось, что начальник пограничных гвардейцев решил устроить с ним дуэль взглядов.

– Я рассчитывал, что ты попадёшь, – наконец вымолвил он.

– Я стрелял не для того, чтобы попасть, – спокойно ответил мужчина. – Я не хотел убивать его.

– Да? Не хотел? – крикнул начальник. – Теперь по твоей милости этот чёртов выродок сбежал!

– Вы сказали, что он ранен, – напомнил мужчина. – Да и вообще, далеко ему будет не уйти. Кругом же солдаты.

– Где мальчишка? – угрюмо поинтересовался Квен.

– Я отправил его домой, когда он мне рассказал, что нашёл трупы. Я решил сам поговорить с вами об этом, но в Управлении писарь мне сказал, что вы уже ушли к градоправителю.

– Откуда у тебя ружьё? – хмуро спросил Квен.

– От бабушки моего досталось, – сухо произнёс мужчина.

– И что ты мне хотел сказать? О чём поговорить? – недовольно спросил военачальник.

– Я хочу создать народный отряд, который будет ночами прочёсывать улицы.

При этих словах Квен рассмеялся, но резко скривился от боли.

– Ты совсем спятил? Какой народный отряд?

– Попрошу Вас не оскорблять меня, – учтиво ответил мужчина. – Но в нищих кварталах постоянно происходит такое...

– Да плевать я хотел! – заорал Квен. – Убирайся отсюда! И оружие сдай! Это мой приказ! У нас война может начаться со дня на день с этими обезьянами, а ты мне про нищие кварталы! Ты понимаешь, что здесь дело государственной важности! Давай, проваливай!

Мужчина ничуть не изменился в лице, просто молча встал и вышел, в то время же Квен был красный, как помидор. Он уже успел послать гонца с письмом (с особой грамотой, как у них это называлось) в Столицу, чтобы тот лично нашёл Короля.

Самое дерьмовое было то, что крог ушёл с его оружием – с его револьвером. Этот тупой крестьянин взял да и выстрелил в сторону, чтобы напугать крога, и тот просто выпрыгнул в окно. Разумеется, с ним ничего плохого не произошло, и чудище скрылось дворами нищих.

Некоторые гвардейцы уже возвращались – солдаты опросили население и выяснили, что из местных жителей никто ничего не видел и не слышал. Ну, это логично, это всегда так было, даже во времена поимки Бурого Лиса. А казалось, что за причитающееся вознаграждение люди должны были продать хоть кого угодно, хоть родителей собственных. Тьфу ты.

И Крамель, военный начальник Белой Крепости, ничуть не колебался, сразу дал разрешение на допрос дозорных. Только это не помогло совсем, из них дозорные были никакие, особенно на стенах, отделяющих нищие кварталы от Плоскогорья. Безобразие! Каждый говорил, что гроза была настолько чудовищной, что ничего невидно было и неслышно. Ну-ну.

Впрочем, это всё мелочи. Хуже было всего то, что всё-таки голова девочки была найдена. (Да, как бы это странно не звучало). И дед её. И даже жена другого старика. Квен почти не сомневался, что бесчинствовал именно тот крог, который был специально заслан Агазоном. Если сейчас пустынные обезьяны пойдут войной на их маленькую страну, то именно их городку придётся сдерживать натиск монстров, пока не придёт помощь из Столицы. А это несколько дней пути. А ещё нужно собрать войско.

Квен встал и проковылял к окну, морщась от боли. Отсюда хорошо просматривался весь элитный квартал, с домами, пролегающими до самой дальней крепостной стены, которая серой полоской ограждала их городок.

«Кругу не уйти, – подумал гвардеец, как бы успокаивая себя. – Он сколько угодно может шататься по улицам или прятаться в нищих кварталах, но ему всё равно будет не уйти от моего правосудия».

От этих мыслей начальнику пограничных гвардейцев стало намного легче.

Вечер был тревожным. Весь город уже был в курсе о жестоких убийствах, совершённых прошлой ночью. Поэтому ещё за несколько часов до заката и так почти безлюдные улицы опустели совсем. Окна закрылись ставнями, двери – на засов. Каждый мужчина доставал из своего укромного угла хоть какое-нибудь оружие. Вот сейчас все уже ждали чего-то ужасного.

Но только не Иосиф и Мадан. Они наоборот чувствовали, что их предприятие пройдёт максимально успешно, поэтому, как только солнце стало прятаться за горизонт, преступники вернулись в комнату Птолемея.

– Привет, сладенькая, – сказал Мадан, открыв дверь. Сейчас он был одет во всё чёрное, как и Иосиф, в руке которого был мешок. – Ты нас не заждалась тут?

Птолема молча поднялась. Она выглядела ужасно разбитой и грязной. Кашель стал гораздо сильнее, чем утром, и Птолема чувствовала, что заболевает. Сильно.

– Ну хорошо, иди сюда, – бросил Иосиф.

Девушка вздохнула, молча подчинившись.

– Не дёргайся, – сказал Мадан и взял её за руки. Нежно, как любовницу.

В этот же момент быстрым движением Иосиф надел ей мешок на голову. Оказалось, что это не просто мешок: в нём было прорезано отверстие для рта и носа. Видимо, чтобы пленник не задохнулся внезапно.

– Ты должна молчать и не дёргаться, понятно тебе? – спросил тощий.

Птолема согласилась и хрипло раскашлялась.

– А если ты собираешься орать или что-то такое, то я могу сразу вставить тебе кляп, – заявил он и похлопал себя по промежности, хоть и знал, что девушка не увидит этого жеста. – Ясно?

Иосиф дико заржал, а Птолема снова согласилась.

– Ну вот и умница, – сказал тощий и погладил её по плечу. – Теперь пошли.

Затем они повели её под руки, чтобы служанка не запнулась обо что-нибудь и не разбила себе голову. Через минуты три Птолема поняла, что они выбрались из барака – её ноги ощутили под собой дорогу, да и вообще стало чуть прохладнее. Кроме того, самое главное доказательство было совсем рядом – Птолема слышала, как близко стоит лошадь, которая фыркает и переступает копытом.

– Сейчас Иосиф закинет тебя в повозку, и ты будешь молчать и не дёргаться, хорошо? – вполголоса спросил Мадан.

Птолема снова согласилась.

В следующее же мгновение она почувствовала, как верзла подхватил её на руки, а затем быстро бросил её куда-то в сторону. В первый момент сердце вздрогнуло, потому что девушке показалось, что сейчас она грохнется на дорогу, прямо в грязь. Но грохнулась она на что-то вроде деревянного пола и застонала от удара. Кузов повозки. Потом она почувствовала, как сверху на неё накинули какую-то плотную ткань типа палатки. Но места было достаточно, чтобы не задохнуться в пыли и темноте, если поездка не

продлится всю ночь.

– Ну, ты всё там? – спросил со стороны Мадан. – Готово?

– Да, – буркнул Иосиф и забрался в повозку, усевшись Птолеме на ноги, отчего она опять застонала. – Заткнись!

Но Мадан уже дёрнул поводьями, и лошадь затрусилась, везя повозку в неизвестность.

Сколько было ехать, Птолеме не знала, но точно была уверена, что она может распрощаться со своими ногами, если этот здоровый кабан просидит на ней всю дорогу. Поэтому бывшая горничная попыталась вытащить из-под него свои ножки хотя бы частично.

– Я тебе сказал сидеть и не дёргаться, – прошипел Иосиф и навалился на неё сверху. Такой перегрузки Птолеме никогда ещё не испытывала и из неё снова вырвалось глухое стонание.

– Что ты там делаешь, идиот? – недовольно прошипел Мадан.

Щёлкнул хлыст, и повозка помчалась быстрее – деревянный короб стал вибрировать интенсивнее.

Девушка ничего больше не могла поделать, поэтому она тихонечко расплакалась, молясь про себя, чтобы путь был как можно короче. И когда Птолеме почувствовала, что её тело почти онемело, услышала, как Мадан грязно выругался.

– Впереди гвардейцы, – бросил он назад. – Двое.

– Вижу, – отозвался верзила.

Спустя несколько секунд повозка стала притормаживать.

– Именем Дракона, стоять! – прогремел голос впереди. Молодой и зычный.

Мадан остановил лошадь и спешил прыжком.

– В чём дело, служивый? – недовольно спросил он.

– Куда вы направляетесь и что везёте? – прогреготал голос уже другого гвардейца.

– Мы в трактир Идумы добираемся, – сказал Мадан. Странно, но его голос ничуть не дрогнул, словно он не был в большой опасности. – А везём мы просто палатку, разве незаметно? Тут пусто. Это просто ком ткани. Если хотите, мы можем развернуть.

Наступило молчание. Видимо, гвардейцы решали, проверить всё-таки повозку или нет. И Птолеме, поняв, что потом может быть поздно и это её единственный шанс, набрала в лёгкие воздуха, попутно прислушиваясь к учащающемуся сердцебиению, и крикнула изо всех сил «ПОМОГИТЕ!».

Дальше всё случилось очень быстро. Она почувствовала, как Иосиф молниеносно спрыгнул с повозки, как лязгнули чьи-то ножны (вероятнее всего, гвардейские), потом раздался глухой удар и кто-то повалился на землю. Началась возня.

В это же время Птолеме резко подпрыгнула на повозке, сбросив с себя палатку, а затем и стащила мешок со своей головы. Первое, что она увидела – Иосиф катится по земле в обнимку с гвардейцем в тёмно-красном мундире. А Мадан в то время сверху сидел на другом гвардейце и пытался воткнуть ему нож в горло, но тот был не рад этому и сопротивлялся изо всех сил.

Совершенно не думая, что она делает, Птолеме в два шага заняла место ямщика, взяла поводья и изо всех сил стегнула лошадь. Та заржала и галопом стала покидать место побоища, колёса повозки загремели по дороге.

– Стой, сука, стой! – заревел сзади не своим голосом Мадан.

Но Птолеме было плевать, она вцепилась в поводья и изо всех сил подгоняла лошадь, очень сильно наклонившись вперёд. Теперь она напоминала человека, который убегает от погони ковбоев и опасается, что они будут стрелять.

И она неслась, не разбирая дороги, минуя нищие кварталы. Но долго это продолжаться не могло. Оглянувшись, девушка увидела, что за ней несётся Мадан на скакуне одного из гвардейцев – судя по всему, ту схватку представители закона проиграли. Из-за плеча у него торчала какая-то чёрная трубка, и он неуклонно сокращал расстояние.

– Пошла! Пошла! – испуганно закричала Птолеме и стала остервенело стегать лошадь.

Ей очень повезло, что её дядя ещё в девичестве научил ездить не просто на лошади, а на повозке, иначе бы плакало её спасение. Однако оно могло ещё поплакать и сейчас, ибо Мадан почти что настиг её – он хлестал коня гвардейца нещадно и изобретательно матерился.

Спустя мгновение он страшно рассмеялся. Совсем близко.

– Попалась, девочка! – проревел Мадан сзади. – Я тебе сказал, чтобы ты не дёргалась... Ух, только попадись мне!

Ещё через какое-то время он сравнял скакуна с повозкой, как на скачках. А затем произошло поистине страшное: как в кошмарном сне Птолемея увидела, что разбойник отпускает поводья совсем и снимает со своего плеча ту чёрную трубку, и эта трубка неожиданно оказывается ружьём одного из гвардейцев. Видно, тем молодым служивым очень не повезло встретить таких опытных преступников. Но времени об этом думать не было, потому что Мадан уже целился прямо в колесо.

И в следующую секунду произошло сразу две вещи: Птолемея дёрнула поводья на себя, лошадь громко заржала и стала резко тормозить, повозку же кинуло в сторону; и в то же время разбойник выстрелил. Грохот из ружья эхом прокатился по пустой улице, а колесо разлетелось в щепки.

Слилось всё: визг Птолемея, сумасшедший смех Мадана, испуганное ржание лошади.

Каким-то чудом служанка смогла удержаться на месте, а не улететь головой вниз, и ещё суметь остановить лошадь. Прыжком Птолемея спрыгнула с повозки на трёх колесах и бросилась наутёк, в глубине души понимая, ЧТО с ней сделает Мадан, когда догонит. Она бросилась прямо наперез этими дворами, в которых ори – не ори, но никто не поможет.

Разбойник снова заржал, прямо как конь. Он также резко остановил своего скакуна и, спрыгнув с него, бросился за Птолемей. У него не было неудобного платья, поэтому совсем скоро он её настиг второй раз и пинком сбил с ног. Девушка с воплем упала лицом вниз, проехавшись по выщербленной и местами выбитой брусчатке, разрезав кожу, где только можно.

И в этот же миг на неё сверху рухнул Мадан, как игрок в американском футболе.

– Поймал, – прошептал он ей прямо в ухо, горячо дыша, прижимая её вниз. – Ну что, милая, что дальше делать будешь? Я тебе уже говорил, что будет, если ты начнёшь дёргаться?

С этими словами он провёл своей рукой – грубой лапищей – ей прямо по бедру. Лихо взревев, Птолемея рванулась из-под ублюдка и чуть его не сбросила. Однако тот просто грязно расхохотался.

– Ладно, нет времени, нужно уходить. – Он развернул её лицом к себе. – Сейчас сюда сбегутся гвардейцы со всех сторон. Но обещай мне, что потом мы продолжим.

Птолемея просто ненавидела человека перед ней. Наверное, это самое точное описание её чувств.

– Будем считать, что ты пообещала, – сказал Мадан и с размаху вдарил ей в подбородок. Девушка сразу повалилась набок, провалившись в тяжёлое забытие.

Мадан подхватил её на руки, а затем забросил на плечи – хоть он и был тощий, но сил на это у него хватило. Потом он её принёс к месту, где оставил своего скакуна. Гвардейского коня уже не было – тот благоразумно побежал обратно в стойло, как сделал бы и другой конь, а вот лошадь Мадана с повозкой стояла всё ещё там же.

Бросив девушку рядом, тощий отцепил остатки повозки от лошади, а затем забросил на её спину Птолемей, словно безвольную куклу. Немного прислушавшись к воцарившейся тишине, Мадан повёл лошадь обратно, но уже не по дороге, а дворами. Теперь ему нужно было вернуться к Иосифу, который уже добил обоих гвардейцев и оттащил их трупы в подворотню. Но так как один из коней вернулся (другой не мог убежать, он был привязан к столбу ещё своим хозяином), как минимум, на следующее утро можно было ожидать облавы с обыском каждого дома из нищих кварталов – пропажи своих, а тем более убийства, гвардейцы точно бы не простили. Поэтому действовать надо быстро.

Скоро Мадан уже был на месте их расставания, гигант прятался у стены одного из дворов.
– Давай, давай! – зашипел Иосиф, завидев возвращающегося Мадана. Он активно жестикулировал.

– Что тебе давать? – зло пробурчал в ответ тощий, практически дошедший до верзилы. Их разделял десяток метров. – Ты её связать не мог?

– А ты сам-то что? Совсем безмозглый стал? Виски все мозги тебе выжгло? – яростно проговорил Иосиф. – Получим деньги, и больше я не буду с тобой работать!

– Да пошёл ты, жирный увалень, – процедил Мадан.

В такой атмосфере дружелюбия и понимания они и двинулись дальше, ещё прихватив с собой гвардейского скакуна, их мечи и ружья. По счастью, оставалось им пройти не так уж много: через несколько кособоких домов начинался тракт, ведущий в Белую Крепость, а оттуда – в шахты, а рядом с этим трактом на переплетении улиц был трактир, куда разбойники и шли.

И этим трактиром заведовал Красный.

Этой ночью трактирчик полностью пустовал (в отличие от вчерашней ночи), и сейчас даже не было нескольких пьянчуг, валявшихся за дальними столиками здесь почти постоянно. Сейчас стояла непривычная, непроницаемая тишина. Не было слышно ни лая собак, ни топота копыт, ни воя ветра. Всё было абсолютно тихо, только светильники на стенах создавали уютное ощущение спокойствия, разгоняя полумрак позднего вечера за окном.

Но Красный всё равно не был спокоен. Он стоял за стойкой и напряжённо ожидал, когда же откроется дверь и войдут его клиенты, но сейчас он ждал не шахтёров и не солдат, любивших время от времени навернуть виски или пива, а тех, кто должен был привести ему кого-нибудь интересного.

Красный (имя его было Идума) выглядел высоким и крепким, поджарым и выносливым молодым человеком. Его чёрную шевелюру ещё не тронула седина, он был достаточно молод, однако, уже успел в прошлом побывать моряком и даже поучаствовать в морских баталиях. На его руке виднелась татуировка в виде якоря с цепью – память о воинской службе.

Но сегодня был поистине удивительный день, хоть и напряжённое, чем обычно. Мало того, что с самого утра к нему заявились гвардейцы и устроили обыск, так после обеда, когда он вернулся обратно в трактир, он увидел, что у него выломана дверь. Идума не был из трусливых, поэтому без колебаний вошёл внутрь, готовясь свернуть шею кому бы то ни было. Но оказалось, что ломать шею никому и не нужно. В его обитель влез здоровый крог, однако, тяжелораненый. Он прятался за стойкой, а когда Красный вошёл, резко поднялся, направив на него украденный револьвер.

– Ты кто такой? – спросил трактирщик. В его голосе отсутствовал страх, хотя в первый момент Идуме показалось, что сейчас крог выстрелит, и его мозги выплеснутся на деревянный пол, и всё для бедного трактирщика закончится на этой брэнной земле.

– Я посланник Агазона, – выдавил крог. – Кто-то убил градоправителя... Но ищут меня.

– Но ты этого не делал? – спросил Красный, надеясь, что ответ будет «да, не делал». Потому что если зверь скажет «нет, я сделал это», то он может прощаться со своим трактирчиком, с его посетителями и со своей жизнью.

– Нет, не делал, – выдохнул крог. – Тебе непонятно, что ли?

– Ты долго тут не сможешь скрываться, – заметил Идума. – А если завалишь меня, то считай, что тебе сразу конец. Даже не протянуть будет до ареста.

– И что ты предлагаешь? – обречённо спросил крог.

– Тебе очень повезло, друг мой. Потому что у меня есть кое-какие отношения с ребятами из Сторожевого поста. Так скажем, деловые. Через несколько дней уходит караван с товарами в Игнис...

– В моё королевство? – перебил его посланник.

– Именно. Так что ты можешь запросто оказаться за пределами этой долбаной страны, если пожелаешь.

– Почему ты мне хочешь помочь? – спросил крог, опустив револьвер.

– Потому что я сам почти такой же, – добродушно отозвался Идума. – Так сказать, не в своей стране. Или даже не в своём мире.

В этот момент крог искривился и чуть не рухнул, но успел опереться на стойку.

– Эй, что это с тобой? – обеспокоенно спросил Идума.

Разумеется, он не хотел помогать крогу. Просто уже предполагал, что сможет заработать неплохие деньги на нём. Да и вообще, если этот монстр сейчас сдохнет, что он будет делать с его телом? Если обращаться в Управление к этому жирному козлу Квену, то это только себе дороже выйдет.

– Я ранен, – выдавил посланник. – Этот ваш начальник...

– Квен.

– Не знаю... Хорошо, что не отравленная пуля была. И не серебряная.

– Ладно, ты в надёжных руках, – ободряюще заверил Идума. – У меня есть знакомый лекарь. Познакомился я с ним ещё на флоте. Военный. Можешь быть уверен, что он тебе поможет, потерпи немного.

После этих слов крог всё-таки рухнул в беспамятстве, а Идума попросту выбежал из трактира, чтобы стремительно привести своего знакомого лекаря, выдавшего не одно самое плохое ранение.

По факту же лекарь оказался алхимиком и цирюльником в одном лице, и его цирюльня была чуть ли не в сотне метров от трактира Идумы. Этот целитель был низкорослым, жирным дядькой с толстыми пальцами и звали его Барнабас. Время от времени он с радостью находил для Красного «клиентов», поэтому ему можно было доверять. И действительно, познакомились они с Идумой ещё на флоте, когда громили морских чудищ на юго-востоке несколько лет назад.

– Всё с твоим зверем будет в порядке, – пообещал Барнабас, аккуратно вытащив пулю из спины монстра и перевязав его. – Таких и из ружья не возьмёшь. Конечно, он потерял довольно много крови, но это ничего... Был бы он человек, считай, что уже всё. Держи вот, через пару часов вольёшь ему внутрь гилиум, и завтра утром тоже, а уже послезавтра твой боец будет на ногах. Ну и не забывай меня отблагодарить, конечно. – Он улыбнулся приятной, дружеской улыбкой.

– Гилиум? – переспросил Красный, разглядывая флакончик с тёмной жидкостью.

– Ну да, смесь сока подорожника, чеснока, алоэ, мёда, и хрен знает ещё чего. Нам это боевой колдун продавал ящиками. Ставит людей на ноги... И не только людей.

– Благодарю тебя. Теперь не сможешь ли ты мне перетащить его в подсобку?

– А гвардейцы его там не найдут?

– Они уже были у меня и ещё раз точно не придут. Я больше чем уверен, что теперь они будут шерстить районы нищих кварталов. А в этих местах же почти что торговый центр. Торговая окраина, вернее. Вряд ли здесь кто-то прятаться будет.

– Но он же прячется, – возразил жирный.

– Да, – согласился Идума. – И я не представляю, как он остался незамеченным, когда залезал сюда.

– А он точно ли остался незамеченным? – с подозрением спросил жирный, забавно шурясь.

– Уверен. Если бы его заметили, тут было бы гвардейцев, что любовников твоей жены.

Лекарь, цирюльник и алхимик в одном лице лишь самодовольно ухмыльнулись.

– Ладно, давай тогда сделаем это. У моей цирюльни, наверное, уже люди собрались.

– Хорошо, что у моих дверей никого нет. И да, ещё теперь дверь делать надо. А то придётся объясняться, да и слухи поползут.

Поднатужившись, пыхтя и задыхаясь, они волоком перетасили крога в подсобку.

– Может, его лучше в подвал, к остальным? – полушёпотом поинтересовался Барнабас, как будто боялся, что их подслушают.

Красный немного подумал и выдал:

– Нет, это ни к чему. Там сыро. Да и других в подвале достаточно.

– Как скажешь.

– Ну вот, полежи тут немного, отдохни, дружище, – сказал Красный и они вышли.

А теперь же трактирщик стоял и напряжённо вслушивался в темноту, потому что уже изнемогал от ожидания своих дорогих друзей. Он успел к этому времени даже сделать дверь, и она была лучше, чем прежде, так что ему больше нечего было опасаться. Никаких слухов точно не поползёт из-за того, что кто-то заметит сломанную отломанную ручку.

И в этот момент в трактир внезапно вошли люди.

Гонец Квена скакал день и ночь, чтобы добраться до Короля как можно быстрее. Ну, как день и ночь: каждые десять километров он добирался до станционных смотрителей и менял скакунов (по особой грамоте от Квена мог делать всё, что нужно, лишь бы быстрее добраться до Столицы).

И глубокой ночью, даже скорее перед рассветом, гонец уже видел огни огромного города, где и было средоточие главной силы их маленького Королевства – Драконий Храм, один из четырёх краеугольных камней абсолютной мощи и власти на всём Материке.

Вокруг Союза Четырёх Драконов были таинственные неизведанные земли, из которых никто из жителей Союза не возвращался живым: там проживали ужасные существа. Но появляться в тех местах и не нужно было: Союз Четырёх Драконов был абсолютно самодостаточен, главной задачей была оборона границ от вторжения извне.

Объединял Союз нерушимой связью Отряд Зодиака: необычные создания, магическим образом связанные между собой, которые были ниспосланы на Материк, чтобы охранять его рубежи. Они все были братьями и сёстрами, хоть и разительно отличались друг от друга, приходили на помощь только тогда, когда люди и другие обитатели Союза Четырёх не могли справиться сами и им требовалась взвешанная мудрость, отвага и сила.

Гонец понятия не имел, предстоит ли ему встретиться с кем-то из них, но скакал он во весь опор, подстёгивая очередного быстрого и выносливого скакуна.

Столица представляла собой огромный город (и даже несколько крупных деревень рядом с ним), огороженный высокой кирпичной стеной. Все дороги их страны вели в Столицу, и с трёх сторон в неё были въезды: арки с огромными воротами, рядом с которыми неусыпно несли дозор десятки рыцарей в шлемах и кирасах, несмотря ни на палящее лето, ни на морозную зиму.

С одной стороны, – с которой и приближался гонец – перед Столицей протекала глубоководная река с построенным каменным мостом через неё. По ту сторону моста уже виднелся дозорный пункт, где и находились хранители входа, а рядом с ними, прямо в стене, была встроена дозорная башня, на самом вершине её сутками сидел человек с подзорной трубой и осматривал окрестности.

В столицу постоянно приезжали торговцы, приходили караваны, иногда даже глубокой ночью, поэтому дозор и вёлся неусыпно. И сейчас это было очень кстати.

Только копыта скакуна оказались на мосту, гонец уже мог хорошо рассмотреть фонари с другой стороны: рыцари готовились встречать предрассветного гостя.

Глухая ночь, накрывшая весь Материк, стала слабнуть.

Человек с бледным печальным лицом сидел в конце огромного зала, освещённого факелами на стенах, и о чём-то думал. Может, о счастливом далёком детстве. А может, о чём-то ещё, но не менее прекрасном. Взгляд его блёклых глаз был какой-то мечтательный, и было отчётливо видно, что этот человек находится мыслями в другом месте. Смотрел он в огромное окно, где было звёздное небо, на горизонте начинающее алеть. Он как будто

любовался представшей панорамой и наслаждался каждым мгновением, пока это возможно. Одет этот, несомненно, благородный господин был в чёрный китель с высоким воротником, а на ногах у него имелись чёрные галифе и сапоги с высокими голенищами.

Неожиданно его слух уловил шорохи за дверью: осторожные и мягкие. Сначала они были далеко, но внезапно начали неуклонно приближаться. И через какое-то время этот мужчина уже слышал шаги, направляющиеся к его двери. Спустя несколько секунд дверь открылась, эхом огласив весь зал.

– Сир, – тихо прозвучало там. – Он вернулся.

У двери стоял молодой парень в белой рубахе с широкими рукавами. Его чёрные волосы были собраны в длинный хвост. Лицо вошедшего также не выражало ничего радостного, будучи полностью аморфным.

– Пусть он придёт, – промолвил сидящий на троне голосом человека, боящегося разбудить младенца.

Парень у двери не двинулся с места.

– Сир, он ранен.

Мужчина на троне медленно проговорил:

– Я знаю, я уже всё знаю. Пусть он придёт.

Парень больше ничего не возразил и сию же секунду скрылся за дверью.

Неизвестно, сколько прошло времени, но так или иначе мужчина на троне снова услышал шаги, только сейчас они были жёсткие, торопливые и их автор явно не старался соблюдать такую прекрасную тишину. Потом дверь распахнулась, и в зал влетел парень в грязной рваной рубахе и с растрёпанными волосами. И он был полностью окроплён засохшей кровью: лицо, руки, рубаха, брюки.

– О, мой отец, – прокричал так громко вошедший, что его отец даже поморщился. – Я сделал всё, что было велено!

И с этими словами он громко плюхнулся на колени.

– Ты всегда был таким нервным, таким ярым, – тихо отозвался человек на троне. – Я дал тебе шанс доказать всем, что ты можешь стать императором. И ты думаешь, что ты справился?

– Я справился! – выкрикнул сынок. – Градоправитель мёртв! Война будет раздирать их земли, я тебе клянусь!

– Тише, не кричи так, – произнёс его отец и встал с трона. Он заметил, что дверь снова открылась, и там появилось уже два привратника, возможно, сбежавшиеся на крики.

А его сынок, похоже, обезумел вконец. Совершенно ожидаемо.

– Я сделал всё, как ты сказал, – громко заявил он и встал в полный рост.

– Я разве говорил тебе убивать ту девочку? – неожиданно в тон отца пробралось что-то очень похожее на подавленный гнев. Он быстро сошёл с трона.

– Нет, но...

– Я разве говорил тебе убивать её деда? – сказал отец и его голос стал ещё громче. Он стал медленно идти навстречу сыну.

– Подожди, отец...

– Я разве говорил тебе выламывать дверь? – крикнул мужчина и рывком, в одно мгновение преодолел расстояние между ними, словно гигантским прыжком. – Я разве говорил тебе быть проткнутым какой-то девчонкой?! – прошипел его отец, стоя чуть ли не лицом к лицу с ним и схватил его рукой прямо за горло. Сынок захрипел и стал оседать на пол.

– Какой же это позор, – продолжал сетовать господин, трясаясь от гнева и глядя прямо ему в глаза. – Ты понимаешь, что теперь я не смогу доверить тебе ничего? Ни поход, ни империю, ничего!

Он отшвырнул его в сторону, как мягкую игрушку. Тот упал на пол, взметнув из-под себя множество искр, как костёр, который резко потушили. Сынок протяжно застонал.

– Иди и убей девчонку, – прошептал мужчина. – И ты должен добраться पहले до неё, чем это сделают те животные из звёздного отряда.

– Отец, но откуда ты знаешь?

– Я знаю всё, ты, глупец! – вскричал мужчина. – Имя мне Амадей, я лорд тьмы за этими землями и я могу всё узнать! У меня везде глаза и уши, сами стены сообщат мне всё, если я захочу. Знай: если по твоей милости девчонка поведает им, кто был в доме, воины Зодиака сразу же догадаться в чём там дело! И на нас падёт мощь Четырёх Драконов! И тогда мой гнев обрушится уже на тебя, щегол!

– Хорошо, мой властелин, – произнёс сынок, опять встав на одно колено.

– Ты можешь убивать, сколько хочешь, – уже более спокойно пояснил его властелин. – Но ты не должен оставлять следов. Теперь иди. И зайди к Константину. Пусть подлатает твою рану.

– Как скажешь, мой повелитель.

– Ну всё, теперь убирайся, – выдохнул его повелитель и вернулся обратно на трон.

Его сын молча встал и бросился бегом прочь. Через несколько мгновений его шаги уже звучали где-то далеко за дверью.

Повисла непроницаемая тишина.

Привратники так и стояли у дверей тронного зала, боясь пошевелиться и ожидая указаний их властелина.

– Позовите сюда Кербероса, – наконец сказал он. – Этот глупец один не справится, а если он опять всё испортит, позора нам не избежать. И войны, разумеется.

Привратники молча вышли, мягко закрыв дверь и оставив своего повелителя наедине со своими мыслями и предрассветной зарёй.

Глава вторая: Тайна старого трактира

Гонец принёс в Столицу очень тревожные вести, поэтому дозорные решили немедленно провести его напрямиком в Драконий Храм.

Надо сказать, что гонец сам еле держался на ногах от усталости. Он едва ли поспал пару часов сегодня у одного из стационарных смотрителей и ничего не ел, но всё равно был готов стоять до конца, хотя стражники сказали ему, что ни до какого бы то ни было конца стоять вовсе нет нужды, лучше поспешить к Королю.

– Открывай! – хрипло крикнул рослый бородатый стражник и вскоре ворота отворились.

Первое, что увидел гонец: за воротами такой же дозорный пункт, только там уже были гвардейцы в тёмно-красных мундирах и с ружьями.

– Сопроводите его к Вазилису, – громогласно объявил тот же воин гвардейцам. – У него грамота из Пограничного Управления.

– Видать, там совсем дело плохо стало, – заметил один из парней в мундире.

– Поспешите, – посоветовал дозорный. – Если ты прав, то времени у нас нет.

– Ладно, гонец, вскакивай в седло, мы тебя проводим к Храму, – произнёс другой гвардеец и заорал куда-то в сторону. – По коням!

Только гонец взобрался на своего коня, уже четверо гвардейцев были готовы устроить скачки по ночной Столице. Их скакуны выглядели действительно по-гвардейски: лоснящиеся, статные, крепкие. Два коня были чёрные, ещё двое – гнедые.

– Ну, вперёд, – сказал бородатый.

Когда гонец миновал колоссальную арку с воротами, остальные конники присоединились к нему и вместе двинулись в Столицу: два гвардейца спереди, гонец оказался в центре, а ещё двое гвардейцев сзади. После чего скакуны всадников протрусили по довольно широкому коридору, с обеих сторон которого были возведены кирпичные стены, а затем стены резко ушли в разные стороны и кавалеристы оказались в огромном дворе с разными пристройками.

С одной стороны двора были конюшни, а с другой – домики стражников. Видимо, тут обитали десятки воинов на случай первичной обороны ворот.

Из этого двора ещё шло две дороги – одна чуть дальше, направо, где метров через шестьдесят упиралась в большую кузницу, а другая вела налево, к развилке. Было очевидно, что Драконий Храм точно не стоит рядом с кузницей, поэтому бравые воины двинулись трусцой по другой дороге, налево.

Эта дорога пролежала прямо рядом со стеной и метров через сто раздваивалась: одна из её частей резко уходила вправо.

– Нам направо надо, – сказал один из первых гвардейцев. – Если мы поскачем прямо, то наткнёмся на большущие крестьянские поселения.

Гонец ничего не сказал и спустя несколько секунд всадники свернули туда, куда было нужно. И отсюда уже была видна сама Столица с её множеством огней в городских домах. Где-то горели фонари, где-то факелы. А ещё через некоторое время кони ступили на брусчатку огромной площади, по обе стороны от которой были дома простых горожан.

Да, сравнить с лачугами простых горожан их маленького городка было совершенно нельзя. Здесь были одноэтажные или двухэтажные крепкие домики, с аккуратными дверями и окнами со ставнями.

Теперь можно было прибавить ходу и пронестись через площадь, что, собственно, кавалеристы и сделали.

– А где у вас нищие кварталы? – спросил гонец прямо на ходу, чуть повысив голос, чтобы его было слышно.

– Хах, какие нищие кварталы? – отозвался гвардеец спереди.

Больше гонец ни о чём не спрашивал.

Через метров пятьсот площадь стала ещё шире, и домики резко бросились врассыпную, уступив место низкой, приземистой постройке, очень широкой и длинной, этажа в три.

– После школы дорога резко пойдёт вверх, – сообщил другой гвардеец спереди.

– Я помню, – раздражённо отозвался первый.

И действительно, как только они проехали это здание, площадь резко закончилась – отныне она увеличивалась в ширину, вмести в себя в приличном отдалении отсюда ещё большой рынок, где днём чем только не торговали, а здесь начинался подъём на холм с редкими деревьями.

Теперь кони припустили во весь опор и скоро поднялись на ещё одну дорогу, выложенную крупным камнем. И её преграждала каменная стена с зубчатой решёткой. Перед ней никого не было, но факелы на другой стороне говорили о том, что там люди.

Когда всадники подъехали к решётке и спешили, из-за ворот послышался поистине громовой голос:

– Именем Дракона, отвечайте, кто вы такие!

– Тут гонец прибыл с нетерпящим отлагательств посланием из Пограничного Управления! Очень важная весть! Лично для Короля! – ответил в такой же суровой манере один из гвардейцев.

По ту сторону заскрипел невидимый отсюда механизм, и решётка стала подниматься, а затем им навстречу вышел человек в тёмном кителе с широкими плечами и вздёрнутой головой.

Первое, что подумал гонец об этом человеке, что он надменный и самовлюблённый и, нужно заметить, что он оказался совершенно прав.

– Гонца я проведу с собой, а остальные ждите здесь, – заявил вышедший стражник. – У тебя оружие есть с собой?

– Нет, – отозвался гонец.

– Хорошо, идём со мной, и не вздумай лезть без спроса.

– Хорошо, – согласился гонец.

Затем они пошли вдвоём по вымощенной камнем дорожке к ещё одной площади, по периметру которой было несколько прямоугольных сторожевых пунктов, а прямо в центре возвышался и сам Драконий Храм. Отсюда действительно было видно всю Столицу с всё более алеющим горизонтом. Храм стоял как бы в Центре Столицы, и в обе стороны от него разбрасывалась необъятная, густонаселённая территория.

Сам Храм представлял собой трёхэтажное здание с большими окнами, его свод спереди держали две резные колонны, между которыми и был вход. С задней части Храма было ещё возведено две башни, шпилями уходящими в небо.

Стоя прямо перед Драконьим Храмом, гонец испытал какой-то трепет и волнение.

– Стой тут, – скомандовал элитный воин. – Я сообщу Его Величеству о том, что ты немедленно спрашиваешь аудиенции.

– Хорошо, – опять сказал гонец и стал смиренно ждать, пока тот вошёл в Храм.

Уже половина небосвода была залита рассветом, и гонец почувствовал, что похолодало. Он повернулся в сторону города и стал рассматривать жилые кварталы. Да, такой красоты у них в городке никогда не было. Стояла непроницаемая тишина, и это было так прекрасно, что гонец не обратил внимания на то, что из Храма вышел человек.

– Доброго утра тебе, посланник с границы, – неожиданно прозвучал мягкий, глубокий голос у него за спиной, и, вздрогнув, гонец резко повернулся.

Перед ним стояла девушка в синем платье до самого пола с длинными, немного темноватыми волосами. Гонец сразу обратил на это внимание, её шевелюра ниспадала чуть ли не

до пояса. Она с неподдельным интересом смотрела на пришельца, изучая его ярко-жёлтыми глазами. И чуть улыбалась одними уголками своих утончённых губ.

– Мир дому вашему, – отозвался гонец, чуть запинаясь.

И в этот же момент снова открылась дверь. Там стоял элитный воин, но на его суровом лице уже было написано несказанное облегчение.

– Быстрее, посланник, Король тебя ждёт.

При этих словах у гонца всё перевернулось внутри.

Он торопливо прошёл мимо девушки и больше ничего ей не сказал, в то время как она уже улыбалась по-настоящему открыто.

– Он в приёмном зале, на втором этаже, – обронил воин и пошёл первый.

Изнутри Храм выглядел скорее как уютная библиотека, нежели как королевская обитель. Длинный коридор прихожей внезапно превращался в большой зал с одной стороны, где стояли шкафы с полками, наполненными книгами. В дальней стене была дверь. А с другой стороны от шкафов была деревянная винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Причём очень удобная, с широкими ступенями, а не такая, где нельзя разогнуться в полный рост и откуда можно навернуться и сломать шею.

Пока они шли по коридору, гонец спросил:

– А кто эта девушка?

Воин через плечо посмотрел на него как на законченного, самого последнего придурка и ответил:

– Вообще-то это Фелиция, дочь Вазилиса.

Эти слова подействовали так на посланника, словно его окатили холодной водой, поэтому дальше он просто молчал, пока они поднимались по лестнице.

Второй этаж был просторный, уже залитый рассветом из больших окон. С несколькими комнатами друг напротив друга. Возможно, это некие государственные кабинеты. А в дальней стене прямо напротив подъёма на второй этаж была двустворчатая дверь.

Элитный воин подошёл к ней и двумя руками открыл её.

И гонец увидел перед собой Короля, сидящего у большого окна за широким письменным столом.

В трактир вошли двое. Тощий нёс на плече третьего.

Конечно же, кто ждёт, тот всегда дождётся, поэтому Красный выдохнул с облегчением.

– Ну вот, явились наконец. Сколько можно было ждать? Я думал, вас уже везут на виселицу, – он довольно улыбнулся.

– Тьфу на тебя, – произнёс Мадан и рывком сбросил с себя тело девушки. Она с глухим стуком упала на пол и начала шевелиться, при этом слабо хныкая.

– Эй, – рывкнул Идума. – Ты из ума выжил совсем? – Он поспешно оббежал свою стойку и побежал к ним.

Птолема увидела его и подумала, что он бежит к ней на помощь, но ошиблась: Красный пронёсся мимо и закрыл на ключ дверь изнутри.

– Всё прошло не очень гладко, – объяснил Иосиф. – Нас заметили.

Идума резко остановился, будто его к месту пригвоздила молния.

– Кто заметил? – осторожно спросил он.

– Гвардейцы, – пояснил Мадан. – Двое. Чуть ли не на соседней улице.

– И что вы сделали? – пониженным голосом полюбопытствовал Красный. Вернее, прозвучало даже «и что вы сделали», он как будто и не спрашивал, а утверждал.

– Перерезали им глотки, всего и дел-то, – сурово заявил Иосиф. – Ты же помнишь, что это наше последнее дело? Больше мы с этим дерьмом связываться даже не будем.

На мгновение Красный снова озадаченно замер, словно пытаюсь понять, о чём говорит этот огромный лысый кусок мяса.

– Ах, ну да, что за вопросы, – выдохнул Идума второй раз с явным облегчением. – Само собой, как договаривались.

– Где деньги? – резко спросил Мадан. – Отдавай их нам, и мы уходим. Прямо сейчас.

Идума молча вернулся за трактирную стойку и вытащил откуда-то маленький мешочек.

– Держите свои деньги и проваливайтесь отсюда, – он бросил его в сторону Мадана и тот поймал мешочек одной рукой.

– Ты посмотри, какой товар сейчас хороший, – заявил Иосиф. – Надо бы добавить.

Ярость стала туманить разум Красного, но тот лишь опять глубоко вздохнул.

– Может быть, вам уже надо убрать свои тупые рыла из моего трактира? – зло спросил Идума. Его голос переполняло раздражение. – Не мешайтесь мне!

– Эй, – резко окликнул его Иосиф. – Не говори так со мной!

– А не то что? – ухмыльнулся Красный. Теперь ярость всё сильнее заполняла его сознание, он уже был готов наломать дров.

– А не то мы глотку тебе вскрыем, – тихо произнёс Мадан и снял с плеча ружьё. – Ты нам должен сверху. Только посмотри, какую сладкую попку мы тебе доставили. За один день. Тебе за неё заплатят втрое больше, а ты жмёшься. Нехорошо это.

– Да-да, нехорошо, – подтвердил Иосиф. Он успел нацепить на себя гвардейскую саблю с перевязью и теперь медленно стал вытаскивать клинок из ножен. – Заплати нам, как подobaется.

Красный поджал губы. Он размышлял, успеет ли выдвинуть потайной ящик из трактирной стойки, на который не обратили внимания гвардейцы во время утреннего обыска, прежде чем Мадан продырявит его насквозь. В ящике хранился револьвер с полным барабаном патронов и с взведённым курком, уже готовый к применению на такой случай. Только бы успеть, только бы успеть...

– Эй, – снова окликнул его Иосиф. – Ты чего там замер? Ну-ка, подними руки! Живо!

И он двинулся к Красному, подняв над головой саблю. Мадан в это время держал его на мушке.

– Суки, – процедил Идума, в упор глядя на грабителей.

– Да пожалуйста, – ответил Иосиф и, обойдя стойку, с размаху дал Красному кулаком свободной руки под дых, тот сразу согнулся пополам, а потом и рухнул. – Где остальное? Где вся выручка? Говори, не то я твои кишки намотаю на саблю! – Он одним взмахом клинка снёс несколько бутылок из шкафа за стойкой.

Красный медленно поднялся, осторожно, будто боялся задеть головой потолок.

– Открой нижний ящик в шкафу, там и найдёшь, – сдавленно поделился он.

– Брат, следи за ним, чтобы он не выкинул чего-нибудь, – крикнул Иосиф.

Мадан бессловесно сделал пару шагов вперёд, не отводя дуло ни на миллиметр от головы Идумы.

– Ого, – взволнованно сказал верзила, открыв шкаф. – Сколько тут денег! Мадан, – он обернулся к поделщику. – Теперь у нас есть золото, чтобы уплыть из этого грёбаного Союза Четырёх. – Он повернулся к уже выправившемуся трактирщику. – И ты хочешь сказать, что ты заработал это, всё лишь продавая пиво? Ну да, ну да.

Иосиф снял с себя свою чёрную рубаху, обнажив мясистое дряблое тело, и расстелил её на полу, затем принялся выгребать содержимое ящика. Через пару минут он уже связал довольно крупный узел, наполненный деньгами.

– В следующий раз ты будешь знать, как наживаться на людских слезах, Идума. А ты, красавица, обязательно жди, мы ещё встретимся, как я обещал. Просто сейчас нет времени, – сказал Мадан, послав ей воздушный поцелуй. – И брось сюда ключ, дядя.

Красный безропотно кинул им требуемый элемент для побега.

Отперев дверь, они быстро ретировались под громкий хохот Иосифа, выкинув ключ на пол. Он отчаянно брякнул где-то в полутьме.

Птолема всё это время молча лежала на полу, наблюдая ограбление одного преступника – другими. Она, может быть, и пыталась бы сбежать, но сейчас ей просто некуда было, да и не было никаких сил. Поэтому она примерила на себя маску безвольного наблюдателя.

– АААААА! – зло заорал Красный и с размаху стащил ещё больше стеклотары с полок. Бутылки стали звонко падать на деревянный пол, некоторые разбились. – СУКИ! СУКИ! МРАЗИ! ЧЁРТОВО ВОРЬЁ! АААААА! – Он снова стащил на пол ещё несколько бутылок. – Ну, ничего, я до них доберусь ещё! – трактирщик метнул пылающий взгляд на лежащую на полу девушку.

– А ты что разлеглась? Вставай! – он резво подбежал к ней и рывком поднял с пола.

– Ты догадываешься, во сколько ты мне обошлась?

Он наотмашь ударил её по лицу, Птолема пошатнулась, но не упала. Затем, уже вне себя от бешенства, трактирщик схватил её и толкнул к стойке. Она ударилась спиной, и он тут же вцепился ей в горло, приблизив своё лицо к её лицу почти что вплотную. Она могла видеть не только его необузданную ярость, настоящее неистовство, а ещё и струйку слюны, стекающую по подбородку.

– Ну, ничего, сейчас кое-что я с тебя возьму, – пообещал Красный и развернул девушку спиной к себе.

Птолема почувствовала, как он прижался к ней своими чреслами, как дрожало его тело. Поэтому она попыталась вырваться, хотя понимала, что это безуспешно: бывший моряк держал её чрезмерно крепко даже одной рукой. Ну а что им, солдатам.

– Тебе совсем не идёт эта одежда, ты знаешь? – прохрипел он ей прямо в ухо, а затем другой рукой разорвал на ней платье сзади.

– Здравствуй, храбрый гонец, – произнёс Король, глядя прямо в глаза посланнику.

Король. И этим было всё сказано. Мужчина за столом напоминал собой больше безупречную статую, нежели человека. Просто ожившее изваяние в тёмной кирасе и с рельефными бронзовыми наплечниками. Крепкий, статный, с явно широкой грудью, сильными руками и стальной выправкой. Его волосы переливались золотом, как и борода, обрамляющая мужественное лицо. А ярко-жёлтые глаза, пронизательные и очень мудрые, заглядывали прямо куда-то в самую душу.

– Приветствую Вас, Светлейший, – проговорил посланник и поклонился. Трепет охватил его полностью, и он очень беспокоился о том, дабы не сказать чего лишнего.

– Ты скачал сюда день и ночь, чтобы добраться до Столицы, и вот ты здесь, еле держишься на ногах от усталости. Я очень благодарен тебе за твой визит. Теперь поведай нам, что же у вас произошло, и какие вести ты принёс нам из Пограничного Управления.

– У меня грамота от начальника нашей гвардии, Государь, – пояснил гонец и протянул ему свёрток. – Нашего градоправителя Пироса убили в особо жестокой манере, и наш начальник думает, что это совершил крог, гостивший у него. Посланец от Агазона, властителя Плоскогорья и Пустынь.

– Где же он сейчас? – спросил Король и снова посмотрел на гонца пронизывающим взглядом. Однако ни злости, ни ненависти, ни тревоги, ни раздражения, ничего вообще во взгляде не было, как и в голосе, словно они разговаривали о погоде, а не о том, что вот-вот война может начаться.

– Круг сбежал, и его искали. Теперь же я никак не могу знать, что происходит в нашем пограничном городке, ибо я здесь.

– Хорошо, я тебя понял. Думаю, нам пора собрать немедленный военный совет. Андреас, – обратился Вазилис к тому суровому витязю, что привёл гонца сюда. – Проследи за тем, чтобы посланника с границы накормили, и выдели ему опочивальню, он сделал всё, что должен был. И не забудь определить его лошадь в конюшню, чтобы ей тоже обеспечили отдых. И ещё: пусть через двадцать минут здесь будут командующие гвардией, кавалерией и пехотой. И казначея сюда пригласи. И ты, будь добр, также присутствуй здесь.

– Повинуюсь Вашему слову, Государь, – проговорил витязь и очень низко поклонился.

Гонец поклонился тоже, хоть и не так красиво, как элитный воин, и через секунду они уже покинули его кабинет.

– Ну как тебе встреча с Королём? – проговорил Андреас уже гораздо более дружелюбным тоном, когда они пошли вниз. Хотя, судя по его голосу, можно было понять, что он очень гордится тем, что ему выпала такая честь – служить лично Вазилису.

– Хорошо, – сказал гонец, не совсем понимая, что хочет услышать от него витязь.

– Сейчас мы пройдем в Сторожевой пост, где тебя накормят и выделят кровать, чтобы ты отдохнул. За коня не беспокойся, с ним тоже всё будет в порядке, – говорил Андреас, когда они вышли из Драконьего Храма и направлялись к одному из тех прямоугольных зданий, что были расположены по периметру площади.

Квену служба была дороже, чем что-либо другое, даже его собственное здоровье. Поэтому он снова забылся тяжёлым, беспокойным сном в своём кресле, даже будучи раненым, хотя городской лекарь запретил ему это делать. Но что понимают эти людишки в военном деле?! Ничего. И вообще, Квен чувствовал, что скоро разразится война, а кроги уже выстраивают тысячное войско, готовое за пару дней бегом преодолеть пустыню, а затем и прорвать оборону их городка.

Квен был уверен, что его гонец доберётся в Столицу за сутки, учитывая, что у стационарных смотрителей добротные скакуны, которых он будет менять каждые десять километров. Эти станции по пути с границы в Столицу как раз и были сделаны на подобный случай. Ну, естественно, не только на подобный. Очень часто на станциях останавливались странствующие торговцы или бродячие артисты, или ещё кто-нибудь.

И даже если Король пошлёт войско на подмогу, оно будет добираться гораздо дольше, чем гонец. Потому что, например, пехота – это не скакуны.

И с этими мыслями начальник гвардии уснул. Просто ухнул куда-то вниз, «на самое дно сна». И теперь сквозь крайне тревожный сон уже слышал топот ног – снова. Резко подорвавшись (отчего ключица взорвалась болью, как и запястье), Квен огляделся.

Утро ещё не наступило, но заря уже полыхала на горизонте вовсю, чуть ли не на добрую треть небосвода. Писаря на месте ещё не было однозначно, Квен чётко помнил, как отпустил его вечером, прежде чем остаться в кабинете и начать думать беспокойные думы.

И тут топот приблизился к его двери. Спустя секунду в проёме стоял гвардеец.

– Хорошо, что вы уже здесь, Квен, – запыхавшись, проговорил человек в мундире. – Там все гвардейцы вернулись в Управление, кроме двоих. И конь одного из них вернулся в стойло. По учётной книге их пост в эту ночь был в нищих кварталах, рядом с лавкой сапожника.

Квен о чём-то немного подумал, ошалело глядя на гвардейца, а потом рывком сорвался со своего насиженного места:

– Всех в ружьё! Совершенно каждого! – закричал он. – Обыскать все нищие кварталы. Каждую улочку, каждый двор, каждую канаву. Каждый заброшенный барак. Каждый подвал! Тех, кто будет противиться обыску, расстреливайте на месте. И начните, конечно же, с сапожника.

– Так точно, – уверенно отозвался гвардеец. – Разрешите идти?

– Разрешаю, – горячо пропыхтел начальник.

Ему так и хотелось схватить саблю, револьвер и поскакать вместе с ними. При мысли о револьвере ему стало одновременно грустно и яростно, потому что этот долбанный крог украл его оружие. И да, его так и не нашли. Хотя гвардейцы обскакали весь городок. Значит, он сидит у кого-то в доме.

– Ну, ничего, – злобно выдавил Квен, прохаживаясь по кабинету. – Я ему устрою развеселую жизнь. Уж он не уйдёт от моего правосудия.

И при этих мыслях ему опять стало легче, как от обезболивающего.

– Ой, да перестань ты уже, – добродушно сказал Идума. – Я одежду тебе новую принёс. Заметь, совершенно бесплатная! – он бросил комок тряпья чуть ли Птолеме не в лицо, которая сидела у трактирной стойки, сотрясаемая глухими рыданиями и дрожью. Теперь её холщовое платье было изорвано полностью.

– Ну прекрати уже, – улыбнулся Красный и, присев рядом с ней на корточки, положил руку ей на плечо.

Птолема в этот момент взбрыкнула с каким-то досадным воплем и сбросила с себя его конечность.

Красный расхохотался:

– Ты чего это, а? Ну-ка, давай успокаивайся, а то ты никуда не будешь годиться. После завтра уже мы отправляемся в путешествие, а у тебя начнётся новая жизнь. Переодевайся тут, а я проведу своего гостя, – и он ушёл в подсобку.

Само собой, Идума уже успел закрыть дверь на ключ снова, поэтому совершенно не беспокоился о том, что Птолема сбежит. Теперь ей нужно было побыть одной (минут десять), чтобы немного успокоиться и переодеться в новую одежду. Хорошую одежду. Очень дорогую, надо сказать. Которую он снял с трупа жены одного из богатых купцов ещё год назад. Тогда они с Барнабасом повеселились, так повеселились, до сих пор ностальгия захлёстывает.

Птолема развернула кучу тряпья: это было пышное зелёное платье, почти новое.

Тем временем Идума уже был в узкой каморке, где зачастую ночевал во время непогоды, когда не хотелось возвращаться домой. Сейчас же там лежал огромный крог и спал практически беспробудным сном. Лишь его грудь тяжело вздымалась. Когда там надо давать гилиум? Вроде бы сегодня вечером, а завтра этот зверь уже будет на ногах.

Но безопасно ли оставлять его здесь? Недоумки Мадан и Иосиф убили как минимум двух гвардейцев, чего начальник пограничной гвардии им не простит точно. Этим утром в нищих кварталах начнутся повсеместные обыски или даже аресты, или вообще расстрелы. Поэтому отряд гвардейцев зайвится к нему снова. То, что в прошлый раз они не стали проверять подсобку и рыться по шкафам, не значит, что сейчас они не сделают этого. Хотя, казалось бы, приходили именно за дотошным обыском. Или нет? На этот вопрос у Идумы пока ответа не было, более того, неожиданно ход его мыслей прервал шорох сзади, и, оглянувшись, он увидел Птолему в новом шикарном платье, однако, её лицо не выражало особой радости, хотя она уже не ревела и не тряслась. Просто молча переводила взгляд с Идумы на крога и обратно.

– А вот и наша красавица, – пробурчал Красный и сделал шаг навстречу. – Ну, я же говорил, эта одежда смотрится на тебе гораздо лучше, словно ты благородных кровей.

В этот момент Птолема дико закашлялась. Хрипы адскими звуками вырывались из её лёгких, казалось, что она сейчас разорвётся.

– О, ужас, – выдохнул испуганно трактирщик и схватил её за плечи. – Сейчас я схожу за своим знакомым лекарем, но тебе придётся посидеть в моём укромном закутке, а то мало ли ты что задумаешь сделать. Пошли.

Птолема безвольно подчинилась, сил на сопротивление у неё не осталось. Он вывел её из подсобки, а потом подошёл к деревянной двери, прямо напротив стойки. За ней обнаружилась маленькая кухонька. По обе стороны, вплотную к стенам, было два узких стола. На одном из

них лежали ножи, вилки, ложки, ещё какие-то приборы, а на другом уже был хлеб и овощи: капуста, морковь, свёкла. Посредине этой маленькой кухоньки, прямо в полу, была квадратная крышка с маленькой ручкой.

– Это погреб для хранения пива и вина, – пояснил Красный. Потом он наклонился и рывком открыл крышку, обнажив квадратную дыру в полу, ведущую в непроглядный мрак.

«Может, толкнуть его вниз? – стремительно пронеслось в голове у девушки. – А если он не сломает шею? Тогда – добить ножом, благо, тут их достаточно...»

Но снова приступ лютого кашля прервал её мысли.

– Потерпи немного, – сказал Красный. – Сейчас я достану лекарства. Эх, фонарь в подсобке оставил, – и совершенно не помня о мерах предосторожности, он быстро побежал назад, за фонарём.

Птолема поняла, что это её шанс, а второго такого может уже и не представиться: она резко схватила самый большой нож со стола и зажала его двумя руками. Буквально через секунду Красный вернулся, держа уже зажженный фонарь.

– Не подходи ко мне! – проревела что есть сил Птолема, но последнее слово снова утонуло в приступе кашля. Она старалась крепко сжимать оружие, но его лезвие всё равно подрагивало. – Я убью тебя, грязное животное!

Наверное, у Красного была способность грамотно вести переговоры с тем, кто хотел его убить: то с крогом, то с Маданом и Иосифом, то теперь вот с Птолемой. Однако у него будет шанс поговорить с тем, кого обвести вокруг пальца не так легко.

– Так, подожди, – начал он. – Убьёшь ты меня, а дальше что? Куда ты денешься? Я знаю, что ты бежишь от гвардейцев, но не знаю почему. Я тоже не люблю этих свиней в багровых мундирах. Да и вообще, у тебя сильный кашель. Скорее всего, пневмония. Без лекарств ты можешь умереть. А к пограничному лекарю ты не сунешься, слишком опасно.

Увидев терзания на лице Птолемы, трактирщик понял, что победил. Хотя бы посеял в её голове сомнения, и то уже хорошо. И поэтому продолжал:

– Здесь ты в безопасности. Да-да, понимаю, что ты мне не веришь, ночью я повёл себя очень неправильно, но больше такого не повторится. Я обещаю тебе, нет, я клянусь. Больше я тебя и пальцем не трону.

– Я не хочу лезть в погреб, – ответила девушка.

– Тебе придётся это сделать, – сказал Идума, демонстрируя зажженный фонарь. – Если я уйду за лекарствами, а сюда ворвутся гвардейцы, что ты будешь делать? Правильно, терпеть их побои и пытки. А если ты послушаешь меня, то всё будет хорошо.

– А как же крог? – прохрипела служанка, чуть опустив нож.

– Плевать на него, – отрезал бывший моряк. – Его подозревают в убийстве Пироса, поэтому его сразу же застрелят, как только увидят...

– Он не делал этого, – прошипела Птолема. В его голосе снова заскользила ярость: она вспомнила того, из-за кого начался весь этот путь. – Его убила какая-то мерзкая тварь.

– Откуда ты знаешь? – с неподдельным интересом полюбопытствовал Идума.

– Я видела его, – подчёркивая каждое слово, произнесла девушка. – Там был настоящий монстр.

– И как же он тебя не убил? – искренне удивился трактирщик.

– Я воткнула в него осколок стекла. А в тебя воткну нож, если ты ещё раз подойдёшь ко мне, – голос её дрожал, на глазах снова появились слёзы. – Если ты говоришь правду, и ты хочешь мне помочь, тогда ты совершенно не будешь против, чтобы я взяла этот ножичек с собой, не так ли, ублюдок?

– Хорошо, как скажешь, – дипломатом он был от Дракона. – А теперь, я тебя прошу, давай спустимся в погреб и я схожу за лекарствами.

Может, со стороны это и покажется несусветным бредом, но Птолема подумала, что других способов выжить у неё не будет. Она не сомневалась, что вместе с крогом положат и её, сразу же и без разговоров. Потому что гвардейцам уже наверняка дали команду не церемониться с подозреваемыми. А подозреваемой в убийстве она была, служанка не сомневалась. Потому что ей не повезло оказаться в поместье градоправителя и остаться живой. Интересно, уже допрашивают ли её благопристойную тётушку, выбивая зубы и пытаясь выяснить, где прячется Птолема? И вправду интересно.

– Так что ты решила? – неожиданно спросил Идума. – Время уходит.

– Чёрт с тобой, – тихо сказала девушка. – Давай, лезь первый.

Мужчина медленно прошёл к погребу, держа фонарь в руке, а затем слез туда.

– Аккуратнее, – сказал он, – тут небольшая лестница.

Птолема молча последовала за ним, одной рукой крепко сжимая нож. Она была готова воткнуть его ублюдку хоть куда-нибудь и была уверена, что как только она спустится, он тут же набросится на неё. Она не верила ни одному слову, но если она тут зайдёт, то вряд ли это будет так уж полезно для Красного. Так что насчёт лекарств, может быть, он и говорил правду, но даровать ей свободу уж точно не собирался. Хорошо, пока всё пусть будет так. Теперь выживать надо каждую секунду, а не только послезавтра.

И вообще, как он собирается отправить её в путешествие, если Белая Крепость вряд ли выпустит хоть кого-нибудь после таких зверств? Если убийца, по их мнению, крог, то он точно побежит обратно в Игнис. Но об этом сейчас думать некогда было, потому что они уже спустились в погреб – широкую плоскую комнату с низким потолком, заставленную у стен бочками с пивом, виски и прочим добром.

– Иди за мной, – командовал Идума и двинулся к дальней стене, держа перед собой фонарь. – Гвардейцы сюда точно не полезут, слишком тупые, – добавил он, подойдя к последней бочке слева. Затем он неуловимым движением руки откатил её дальше, словно она была из картона. Там показались очертания ещё одной крышки.

– Что? Снова лезть?! Ещё ниже? – прошипела Птолема, поднимая нож опять.

– Да успокойся ты, – рявкнул Красный и отбросил крышку в сторону. Там было гораздо светлее, чем здесь, в погребе. – Ничего с тобой не случится. В этом подвале жили все путешественники, которые хотели выбраться через границу с моей помощью. Еда, вода есть. Даже сортир. Сейчас эти ребята где-то живее всех живых, пьют вино, купаются в деньгах и радуются жизни. Лезь уже.

Птолема аккуратно полезла по лестнице, снова готовясь воткнуть нож, если кто-то там попытается её схватить. Но спустившись, она оказалась в довольно хорошо освещённой комнате фонарями на стенах, чем-то напоминающей трюм корабля. Там было несколько больших клеток друг напротив друга, в которых стояли койки и маленькие грубые деревянные столики. На некоторых столах стояли чашки с водой или супом. Но хуже всего было то, что в некоторых клетках были люди.

Следом прыгнул Красный и поставил фонарь на пол.

– Ой, кто это у нас тут? – грубо послышалось из самой дальней от огромного толстяка, развалившегося на койке.

– Идума, я убью тебя! – дерзко крикнул молодой парень из ближней клетки и подбежал к своей решётке, пытаясь дотянуться до него рукой.

– Фух, теперь мне не будет скучно, – сладострастно послышалось от женщины в чёрном платье из клетки напротив того огромного толстяка.

Птолема резко развернулась к Идуме, поднимая нож, но тот лёгким движением перехватил готовящийся удар и заломил ей руку – нож брякнул о пол. В клетках начался галдёж, как у приматов в зоопарке.

– Знаешь, мне просто не хотелось нести тебя на руках, – тихо проговорил Идума и ударил её в живот так, что она осела на пол. Упасть не могла: бывший моряк снова держал её крепко. Он просто подтащил её к свободной клетке (она была не заперта), открыл дверь и втащил её туда. Потом достал связку ключей и замкнул её.

– Я не соврал тебе. Побудь здесь, я сейчас вернусь и принесу тебе лекарства. А послезавтра ты уже пересечёшь границу, – рассказал Красный, а затем вышел из подвала, прихватив с собой и нож, и фонарь.

Барнабас брил какого-то джентльмена с суровым взглядом, скобля его не менее суровое лицо своей широкой бритвой. И тут в цирюльню ворвался Красный, почувствовав с порога удушливый запах мыла. Внешний вид у него был крайне обеспокоенный и какой-то растрёпанный, словно он всю ночь не спал.

– Что стряслось, дружище? – спокойно спросил цирюльник, мельком взглянув на него. Его рука ничуть не дрогнула, и он всё так же упорно прижимал бритву к щекам джентльмена.

– Мне нужна твоя помощь, – объяснил трактирщик.

– Подожди немного, я скоро закончу, – громко ответил цирюльник, сосредоточенно продолжая приводить в порядок лицо клиента. Тот, однако, никакого интереса к третьему человеку не проявил совершенно и просто смотрел куда-то в одну точку.

Красный психанул и вышел на улицу, хлопнув дверью так, что она чуть не слетела с петель. Такого прежде не случалось: чтобы его и кто-то надул. И не просто надул, а ограбил. И спускать с рук Красный это не хотел. Он был уверен, что Мадан и Иосиф захотят уйти через Игнис (они сами об этом говорили, к тому же). Может быть, они бы и спрятались внутри страны, но их это не устраивало, они хотели другой жизни, более лучшей. По счастью, Идума никогда им не рассказывал, каким же способом он переправляет людей через границу и с кем же у него «дружеские» отношения из Белой Крепости, иначе эти недоноски могли попробовать выйти на того человека сами, без участия Красного, что последнего бы не устроило.

Как предполагал Идума, как минимум до завтра эти кретины будут просиживать в своём бараке и придумывать план побега. И сейчас было очень удачное время, чтобы навестить их и продырявить. Но одному идти туда было нельзя, ибо бывшие подельники были вооружены, а тянуть было смерти подобно: они могли запросто сменить барак или потратить все его деньги.

Об этом напряжённо и думал Красный, когда сзади дверь открылась, и оттуда вышел гладковыбритый джентльмен. Он посмотрел на Идуму как на отребье, скривился и зашагал куда-то по своим делам. Но это совершенно не волновало трактирщика, уже снова забежавшего в цирюльню.

– Да что у тебя случилось, дружище? – благодушно спросил Барнабас.

– Меня вчера ограбили Мадан и Иосиф, а сегодня мне нужно лекарство для одной девочки, которая вот-вот загноётся от пневмонии. Это если кратко.

– Ну ничего себе! – проревел Барнабас. – Так что же ты раньше молчал?!

И он побежал куда-то вглубь своей цирюльни, не дав Красному пояснить, что раньше он молчал из-за того, что у жирного был клиент. Там раздался грохот, словно уронили какой-то тяжёлый ящик, цирюльник стал браниться как сапожник, а потом выбежал обратно. В одной руке у него была тёмная бутылка, а в другой – два маленьких флакона с пробками.

– Держи, – сказал тот, протягивая бутылку. – Это её согреет с одного глотка, но пить она может сколько влезет, хотя гадость это редкостная на вкус. И возьми вот эти снадобья, это против жара, а это против кашля. И ты меня разоришь такими темпами, дружище!

– Благодарю, – ответил Красный. Он уже заткнул бутылку за пояс и принялся рассовывать флаконы по карманам.

– А что ты намереваешься делать с Маданом и Иосифом? – спросил Барнабас.

– Думаю, что нужно отнять моё добро у них. С процентами, – он посмотрел прямо в глаза своего дружища. – Поможешь мне?

– Знаешь, оружия у меня нет, – отрезал цирюльник, активно жестикулируя руками. – Я же цирюльник, и немного лекарь, но не торговец оружием!

– Хорошо, – торопливо согласился Красный. Ему самому казалось, что Барнабас помогает ему гораздо чаще, чем он платит в ответ. – Ты не знаешь, у кого приобрести можно что-нибудь интересное?

– Слушай, – произнёс жирный, кладя руку на плечо своему дружищу. Следующие слова он произнёс вполголоса. – У тебя же есть друг в Белой Крепости, правильно? Так пусть он тебе поможет вернуть твоё добро. Вы же давние партнёры.

– Действительно, – подтвердил Красный. – Ладно, я пойду. Благодарю за помощь.

– Ага, и заплатить не забудь, – буркнул с улыбкой Барнабас.

– Не забуду.

Идума пошёл обратно к трактиру, гадая, не ворвались ли туда гвардейцы в его отсутствие. Было уже солнечное утро, но по дорогам нищих кварталов почти никто не сновал, кроме того джентльмена с важным лицом, которое ничуть не добавляло ему статуса: брился он у цирюльника, обычно обслуживающего сброд.

Но Красного это не волновало: послезавтра он должен передать своему деловому партнёру трёх человек, одну милую девушку и одного монстра, что позволит ему неплохо заработать. Но сегодня Идуме нужно было вернуть свои деньги, так бессовестно отнятые его бывшими поделщиками.

Подходя к своему трактирчику, Красный понял, что что-то не так. Вскоре он заметил большую ворону, сидящую прямо на крыше его трактира. И, что более странно, повернув свою голову, она прямо вперила взгляд своего золотистого глаза прямо на

Идуму.

– Эй, – крикнул бывший моряк. – Быстро улетай отсюда!

Его голос эхом разносился по пустой, залитой солнцем улице.

Однако ворона ничуть не смутилась и никуда не улетела.

– Давай, проваливай! – прокричал Идума и замахал руками, совершенно не понимая, что он делает. Его почему-то крайне разозлил вид этой нахальной и лоснящейся птицы: она напоминала ему какого-то важного купца из элитных кварталов. Тем не менее, ворона вообще не планировала покидать найденное место и осталась сидеть, с любопытством поглядывая на человека внизу.

Сердито выдохнув, Красный вошёл в трактир. Он не торопясь прошёл за стойку и поставил на неё бутылку и флаконы.

«Мда, теперь ещё с этим крогом надо что-то делать», – мрачно подумал Красный. Теперь им овладевали тревожные мысли, в которых смешалось всё.

Так бы и стоял Идума за стойкой, вперив озлобленный взгляд в один из столиков, если бы в трактир не вошёл человек. И когда Красный увидел его, он подумал, что это конец.

В комнате, уже залитой утренним солнцем, собралось пять человек во главе с самим Королём. Все вместе они были настолько величавы, что могли внушить благоговейный трепет кому угодно. Ну, казначей, может, не выглядел таким уж и brutальным, но главнокомандующие войсками однозначно были окружены аурой суровости.

– Тёмные времена движутся в наши земли, – сказал Король. – Мне только что доставили послание из Пограничного Управления. Там написано, что был убит их градоначальник Пирос. Причём в особо жестокой манере. Ему просто разорвали горло.

Клич возмущения вырвался у начальника гвардии – рослого черноволосого мужчины в тёмно-красном мундире. По его виду можно было понять, что он очень серьёзен и решителен,

а вся его поза говорила о том, что он готов прямо сейчас выдвинуть гвардию всего королевства куда угодно, хоть в неизведанные земли.

– Есть ли у них подозреваемые? – поинтересовался он. В его голосе слышались неприятие и вызов. – Если есть, то почему они ещё не пойманы?

– Не торопись так, Деимос, – коротко бросил ему Андреас. – Там всё намного ужаснее, чем ты можешь помыслить.

Деимос даже не посмотрел на него, внимательно глядя на Вазилиса.

– У них есть подозреваемый, – произнёс Король. – Это крог из Игнаса.

Теперь клич возмущения вырвался у всех, кроме Андреаса и казначея.

– Да как они только посмели! – вскричал начальник кавалерии, одетый в кожаную тёмную кирасу. Одно мгновение всем казалось, что он сейчас вскочит не только с места, но и в седло, и что есть силы помчится на границу, высоко держа свой длинный меч. Однако этот рыцарь ничего подобного не сделал и Король продолжил:

– Но этот подозреваемый мог и не совершать убийства, ты должен помнить об этом, Еврипид, прежде отправлять своих смертоносных скакунов через Пустыню.

– Но что заставило подумать их на того крога? – спросил низкорослый блондин, одетый в жёсткую кольчугу. Доселе он просто молчал и внимательно слушал Вазилиса, стараясь не обращать внимания на выкрики начальников кавалерии и гвардии – они всегда были такими импульсивными и горячими, сколько он их помнил.

– Ибо этот крог – посланник Агазона, – пояснил Вазилис. – Он прибыл на границу из-за того, что наши шахтёры столкнулись с рабочими из Игнаса во время добычи самоцветов. В грамоте от Квена, начальника нашей пограничной гвардейской стражи, написано, что Пирос рассказал ему, что вечером к нему прибыл гонец, чтобы заключить мир и уплатить даже какую-то сумму. А утром на следующий день Квену сообщили о нескольких жутких убийствах, в том числе маленькой девочки, совершённых в их городе. Узнав об этом, Квен объявляет режим тревоги и спешит сообщить об этом градоправителю, но находит выломанную входную дверь...

– Тот, кто сделал это, поистине заслуживает смерти! – горячо воскликнул Деимос.

– Казнить его прямо на месте! – вскричал Еврипид. – И да свершится правосудие!

– Не торопитесь так, джентльмены, – вставил главнокомандующий пехотой. – Пусть наш Государь до конца изложит суть обсуждаемого вопроса.

– Благодарю тебя, Дэймон. Войдя внутрь, Квен обнаружил полнейший беспорядок и кровь. Поднявшись наверх, он обнаружил труп почтенного градоправителя и получил сокрушительный удар от крога со спины. Вступив в жестокий бой, Квен ранил крога из револьвера и тот сбежал. На его поимку брошены все силы.

– Вздёрнуть мерзавца! – предложил Деимос.

– А что думает об остальных убийствах начальник пограничной гвардии? – спросил Еврипид.

– Он полагает, что и эти убийства совершил крог. Он думает, что Агазон пытается развязать таким способом войну, – ответил Вазилис.

– Так и есть! – согласился Деимос. – Иначе бы крог не напал на уважаемого и храброго начальника пограничной гвардии.

– Соглашусь, друг, – отвечивал Еврипид. – Государь, предлагаю собрать лучших бойцов Столицы и отправиться на помощь нашим отважным друзьям из пограничного городка. И можно отправить гонцов в остальные города, чтобы получить подкрепление. Я больше чем уверен, что кроги захотят взять нас вероломным напором, численностью.

– Но зачем им это, многоуважаемый Еврипид?! – воскликнул Дэймон. Хоть он и был терпелив, но сейчас не мог спокойно выслушивать этот, по его мнению, вздор.

– Потому что экономика их страны уже давно в упадке! – ответил Деимос. – Они только и ждут, чтобы протянуть свои лапища и поработить близкие страны.

– Остыньте, друзья, – чуть повысив свой зычный голос, произнёс Король. – Опрометчивость можно только усугубить положение дел. Агазон тоже состоит в Союзе Четырёх, если вы забыли об этом. И если бы он хотел расширить свою территорию или добыть для своего народа лучшее, чем есть, я полагаю, что он бы стал расширять владения в сторону неизведанных земель и вод.

– Простите мне мой скверный язык, – начал Деимос. – Но наши братья за Плоскогорьем всегда были трусливыми и глупыми, поэтому они скорее пойдут войной на нас, чем на жутких тварей за границами Союза Четырёх.

Король промолчал, но взгляд его полыхнул оранжевым огнём, отчего даже свирепому и бесстрашному начальнику гвардии стало не по себе.

– Я поддерживаю его, – согласился Еврипид. – Надо смотреть правде в лицо. Это сделал крог, и причины вполне очевидны. Он был заслан намеренно. И мы должны поспешить с войсками на границу.

– С кем проживал градоправитель? – неожиданно спросил Дэймон.

– Хм, в грамоте написано, что у него была служанка, – ответил Король.

– И где она? Тоже убита?

– Нет, её тело найдено не было. Но Квен полагает, что даже если она и выжила в той бойне, то искать её бессмысленно: бедное дитя точно не может быть причастно к этому зверству, ибо у неё не было никаких причин.

– Может, это только так кажется, – возразил Деимос. – Не удивлюсь, что она была с тем крогом заодно и держала руки градоправителя, пока монстр перегрызал ему глотку!

– Хватит нести чушь! – воскликнул Дэймон, и все вскочили. – Я говорил о том, что сведения этого дитя могут быть полезны в установлении истинного убийцы!

– Если бы это не был военный совет, и ты не был бы командиром пехоты, Дэймон, я бы вызвал тебя на дуэль, – сказал Деимос. – Молись Дракону, что мой мундир обязывает не мараться о таких как ты!

– Что ж, ты можешь снять свои тряпки, Деимос, – заметил пехотинец, глядя прямо в глаза гвардейцу. – И тогда ты не испачкаешь их.

– Прекратите! – прогремел Король, ударив кулаком по столу. – Вы мужи, вы военачальники, а ведёте себя как неразумные юнцы!

– Держи себя в руках, Деимос! – подхватил Андреас. – Ты всё-таки на совете у самого Короля, а не у себя на кухне! – Он неосознанно положил руку на рукоять меча.

– Всем сердцем прошу вас успокоиться, – произнёс Еврипид, поднимая руки. – Мы не должны ни в коем случае поддаваться чему-то кроме разума. – Хотя сам несколько минут назад готов был скакать на границу и топтать крогов.

– Что вы думаете об этом, Мидас? – обратился Король к пожилому и громоздкому на вид джентльмену в белой рубашке и чёрном пиджаке с длинным низом, который доселе не проронил ни слова. Это был казначей.

– Я уверен, что нашли они много самоцветов, – неуверенно начал Мидас. Ещё бы: когда на тебя пылающими взорами смотрят такие витязи и сам Король, хочешь – не хочешь, а начнёшь нервничать. – Поэтому разумно допустить, что Агазон мог подумать, что, заполучив эти самоцветы, он сможет обеспечить свой народ на долгое время. Но, – резко продолжил он, заметив, что Деимос хочет начать ликовать, – глупо допускать другое: что Агазон, всегда бывший таким разумным властелином, сумевший объединить под своим крылом столько земель и столько народов, попытается завоевать одного из своих соседей. Да даже если бы он и стал стремиться к этому, неужели Агазон стал бы засылать убийцу под предлогом мирного поручения? Он должен был предполагать, что после совершения такого преступления сразу все подозрения падут на него. Это совершенный вздор. Я полагаю, что там был кто-то ещё, кто также беспрепятственно мог проникнуть в поместье к градоправителю и расправиться с ним.

– Благодарю вас за это взвешенное и разумное мнение, свободное от эмоций, – произнёс Вазилис. – Андреас, ты о чём думаешь?

– Я считаю, что надо готовиться к войне, – ответил элитный стражник Драконьего Храма. – Неизвестно, кто совершил эти убийства, но я чувствую, что дело здесь нечистое. И надо максимально полно подготовить как элитную гвардию наших прославленных стрелков и полк несокрушимых пехотинцев, так и нашу свирепую кавалерию. И создать комиссию, которая займётся расследованием убийства градоправителя. Поговорив лично с гонцом, я понимаю, что у них в городке началась страшная паника, а сами власти справиться с ней не могут. Быть может, потому что сами охвачены паникой. Необходимо поддержать их прямо со дня на день, чтобы они видели, что Король в курсе событий, Король готов помочь. Иначе неизвестно, что там будет происходить дальше.

– Благодарю тебя за твой ответ, я полностью согласен с тобой, Андреас. Но есть ли у кого мысли по поводу этой комиссии для поимки убийцы? Кто должен этим заняться?

– Разрешите, Ваше Величество? – спросил Дэймон и, получив одобрение, начал: – Здесь нужно начать с того, что подозрение сейчас падает на страну из Союза Четырёх. Как я понял, если крога поймают, то его сразу же убьют. А долго он там не пробегает. Если же посланник ни в чём неповинен, можем ли мы быть уверены, что Агазон не потребует сатисфакции за смерть своего верноподданного? К тому же, вы все прекрасно помните, что у Агазона в соратниках тоже есть Отряд Зодиака. Вот тогда действительно могут начаться тёмные времена. Поэтому надо немедленно отправить туда тех, кто сможет взять под контроль этот пограничный город – и я не про временное управление, небось, сам Квен неплохо может справиться с этой задачей. Поэтому предлагаю прибегнуть к звёздной магии!

Все разом охнули, никто не ожидал такого предложения.

– Не поторопимся ли мы с этим? – усомнился Деимос. – Можем ли быть уверены, что Отряд Зодиака не воспротивится такому поручению? Здесь же внутренняя политика Союза Четырёх, а не внешняя!

– Согласен, – вставил Еврипид. – Когда мы можем просто собрать двести пик и скакунов и домчаться до границы, чтобы обогреть песок кровью захватчиков.

– Не думаю, что здесь только внутренняя политика, – терпеливо пояснил Дэймон. – Задача Отряда сохранять мир и благоденствие на Материке, защищать Союз Четырёх, а если начнётся кровавая внутрисоюзная война, будет ли Союз в безопасности? Не пойдут ли войной на нас монстры северных гор и чудовища неизведанных земель?

После непродолжительного молчания, во время которого Король взвешивал сказанное, он встал из-за стола и произнёс:

– Полагаю, что Андреас и Дэймон правы. Настало время просить помощи у тех, кто обладает мудростью, неведомой нам. Во благо нашим землям и нашим народам.

Никто не сказал ни слова, все просто молча смотрели на Короля. Но ни ярости, ни вызова в их взгляде уже не было: Король принял решение на военном совете, и они могут только подчиниться ему.

Да будет так.

Если бы у Красного спросили, как выглядит настоящий демон в облики человека, он бы показал им этого мужчину, тихо вошедшего к нему в трактир. Едва обратив на него взор, Идума сразу забыл о том, что ему нужно искать людей, отобравших его деньги, что нужно готовить пленников к отправке, что нужно лечить девчонку, что нужно лечить крога. Он забыл обо всём и просто смотрел на человека, медленно шагающего к нему навстречу.

Неожиданно Красный понял, что его трясёт от пронизывающего холода, который принёс с собой этот человек. Словно он пришёл из замогильного мира, неся с собой ужасы, страдания

и лютый мороз. Казалось, что за окном трактира наступил пасмурный поздний вечер. Темнота стала сгущаться.

Выглядел гость тоже очень странно. Если его встретят гвардейцы, то... То что?! Этот джентльмен всем своим видом давал понять, что пули его не возьмут, как и мечи. Может, из пушки и получится уничтожить, но что с того?

Тем временем незнакомец уже подошёл вплотную к стойке. Он был одет во всё чёрное, да Идума и не сомневался, что такие вот существа одеваются только во всё чёрное: чёрные кожаные перчатки, чёрный длинный плащ, чёрные сапоги. Волосы незнакомца были тёмно-багрового цвета, длинные, блестящие, завязанные в конский хвост. Лицо же у этого человека («нет, это совсем не человек, это нелюдь, монстр, чудовище!!!» – вопил внутренний голос Идумы) было белым, как снег, хотя черты были весьма утончённые, как у красивой хрупкой женщины, но перед трактирщиком стопроцентно стоял тяжеленный мужчина массой килограммов так девяносто пять.

«Не смотри в глаза ему, не смотри ему в глаза!», – судорожно подумал Идума и, конечно же, посмотрел.

Глаза у посетителя были самые обычные, карие, только какие-то печальные, как будто это существо познало всю бессмысленность бытия и брело между мирами, иногда так вот заходя в старые трактирчики и пугая до полусмерти бедных владельцев.

– Где девчонка? – прошептал мужчина красивым женским голосом, отчего сердце у Идумы рухнуло куда-то вниз, быть может, даже провалилось не то что в пятки, а ещё ниже. – Где эта милаха, которая всё время появляется там, где её не ждут? Где эта сука, доставляющая столько проблем таким красавчикам?

Красному подумалось, что сейчас его хватит удар от испуга. Если бы он умел молиться, то прямо сейчас настало прекрасное время для молитвы хоть кому-нибудь.

– Давай ты меня порадуешь, красавчик, – томно и очень соблазнительно сказал этот треклятый здоровый мужик в кожаных одеяниях, приблизив своё милое личико на расстояние поцелуя. – Просто расскажи мне, куда вы её дели.

Бывший моряк во время боёв видел множество всяких ужасов, но такого он ещё не испытывал. Усилием воли Красный попытался сбросить с себя оцепенение и сказать, что не знает никаких девчонок, но изо рта у него вырвалось только что-то типа «к...к..каку...как...кую».

Незнакомец рассмеялся бархатным девичьим смехом, а потом схватил Красного правой рукой за нижнюю челюсть. Как стальными клешнями.

– Быстрее, милый, – проворковало ужасное чудовище и медленно лизнуло лицо трактирщика от губ до лба.

Идуму затрясло с новой силой, но уже не только от холода и испуга, а от возбуждения.

– Я не... Я не знаю... Никаких девчонок, – выдавил из себя Красный, но монстр не отпустил его, а только сжал лицо сильнее.

– Мне сказали, что она потерялась в нищих кварталах, – продолжил он и чмокнул трактирщика в губы. – А потом её поймали два чумазных мальчика, – снова поцелуй, – которые... должны... были... доставить... её... к... тебе... – Последние семь слов прищелец выделял смачным поцелуем в губы. – И где же она? Скажи мне, умоляю.

Идума хоть и уже терял рассудок от холода, ужаса и вожделения, но понимал, что эта тварь убьёт его, если он не сдаст эту проклятую девчонку, из-за которой у него теперь столько проблем. Если чудовище спрашивает, значит, оно точно не знает, здесь его добыча или нет, но... Может, оно просто играет с ним? Да, оно будет более точно, теперь Красный уже не знал, женщина это или мужчина.

– Они ещё не привели её, – сказал Идума.

– Ты мне врёшь, – высказала предположение не такая уж прекрасная незнакомка и сдвинула челюсть гораздо сильнее. – Ну, милый, не обманывай меня.

– Я, правда, не знаю, – с трудом выговорил Красный. – Они приведут её только завтра!
– Врёшь, – прошипел монстр, заглядывая прямо в душу трактирщику своими карими глазами, в которых разлилась сама тьма. Наверное, так могут смотреть только демоны.

– Я клянусь тебе! – проревел Идума и разрыдался.

– Ах, какая жалость, – выдохнуло существо и разжало хватку. – Тогда скажи мне, где они живут. Порадуй свою мамочку.

– Они живут в огромном бараке через несколько улиц отсюда... Тебе нужно вверх... Ты сразу его узнаешь, он стоит как бы в центре всего... – Каждое слово Красный произносил с невероятным усилием, пытаясь совладать с рыданиями и дрожью.

– Ладно, – оборвал трактирщика монстр. Теперь его голос был мощным басом. – Но если ты мне соврал, – существо при этих словах слегка похлопало его по лицу, – тогда я вернусь и сделаю тебя своей девочкой. Ты такой сладенький.

Потом чудовище резко развернулось и пошло прочь. Подойдя к двери, оно обернулось и прохрипело голосом, мало чем отличающимся от рычания собаки:

– И я думаю, что тебе нужно переодеться, малыш.

И в конце этой фразы – и это было хуже всего – существо дважды оглушительно каркнуло, а потом мерзко рассмеялось и хлопнуло дверь.

Этот звук словно вывел Красного из оцепенения. Он осмотрелся по сторонам: кругом было светло и тепло, на улице – солнечное утро. Но горло его до сих пор издавало рыдания, а лицо сильно саднило, как будто секунду назад его избили. И, кроме того, у Красного были мокрые штаны.

Значит, кошмар случился наяву. И может повториться в скором времени.

Подумав о том, ЧТО эта тварь может сделать с ним в приступе ярости, когда узнает, что Идума обманул её, Красный побежал домой. Ему надо было быстро переодеться, а потом немедленно бежать в Белую Крепость, чтобы продать прямо сейчас свой товар. Или договориться хотя бы о том, чтобы ему дали хоть кого-нибудь для охраны товара. Или просто продать хотя бы самого себя, лишь бы покинуть эту страну. Или попросить просто остаться в любом подвале крепости, лишь бы больше не повстречать чего-нибудь подобного. Надо хоть как-то защититься!

Хотя в глубине души он ни разу не усомнился, что чудовище найдёт его без особых проблем где угодно, если ему понадобится.

– Эй, красоточка, за что это тебя сюда? – крикнул толстяк, когда Птолема сумела перебраться с пола на койку, а потом и к столу, где стояла чашка с чистой водой. По крайней мере, на вид. Но ей уже было всё равно, она думала, что хуже не будет.

В голосе толстого слышалось искреннее любопытство, однако, отвечать на этот вопрос девушке всё равно не хотелось.

– Ганс, не трогай её, – сказала женщина. – Ты не видишь, как ей крепко досталось?

– Ой, да тут всем крепко досталось, – добродушно заметил толстяк. – А послезавтра достанется ещё больше.

Все промолчали, но Птолема почувствовала, что они как будто с ним молча согласились, даже тот парень, который кричал, что убьёт Идуму.

– Почему? – слабо спросила она.

– Потому что послезавтра у Красного будет сделка, – объяснил толстяк.

– Какая сделка? – хотя Птолеме казалось, что у неё уже был ответ на этот вопрос.

– Ууу, – протянул Ганс. – Послезавтра нас продают, ты что, не знала?

Почему-то такое заявление её вовсе не удивило и не расстроило даже. Потому что в глубине души Птолема ожидала чего-то такого.

– Куда продают?

– В рабство, куда же ещё, – ответил мужчина таким тоном, словно объяснял ребёнку, почему идёт дождик, если тучки собрались. – В Белой Крепости у него есть свой человек. Не последний в этом городе. Я так думаю, он участвует в отправке караванов.

– Откуда ты всё это знаешь? – с усилием спросила Птолема.

– Потому что я королевский разведчик, – полушёпотом ответил толстяк.

– Ага-ага, разведчик, – резко вставила женщина из клетки напротив и расхохоталась. – А я тогда королевский алхимик.

– Не обращай на неё внимания, – посоветовал Ганс. – За трое суток, проведённых тут, я понял, что эта ведьма не в своём уме.

– Да, я ведьма, – сладострастно согласилась крупная женщина с тёмными волосами. Она повела левой ногой, и её платье обнажило ногу до середины бедра. – А ещё я помогала королевским солдатам за хорошую плату... Но это я так, к слову...

– Фу, мерзость какая, – неожиданно сказал молодой парень. И сплюнул под ноги.

– Нет, – поспешно воспротивилась ведьма. – Я им только гадала же.

Впрочем, парень не обратил на неё внимания:

– Ганс, твоя задача попасть в рабство что ли?

– Да, – согласился толстяк. – Именно за этим я здесь и нахожусь.

– А мне что-то совсем не хочется в рабство, – слабо заметила Птолема и чудовищно закашлялась.

– Ой, да ты совсем плохая стала, – сочувственно заметила ведьма. – Как ты тут оказалось, дитя?

– Долго объяснять, – отрезала бывшая служанка, мигом в голове прокрутив события двух последних дней. – Лучше вы мне расскажите, что делать будете и как выбираться.

– Да никак отсюда не выберешься! – заорал парень и пнул решётку. – Я здесь уже целую неделю нахожусь. И другого способа, кроме как убежать во время поездки в Белую Крепость, нет.

– Это бесполезно, – снова вставила ведьма. – Вы что, не знаете, как происходит сделка? Ганс, ты же КОРОЛЕВСКИЙ РАЗВЕДЧИК, может, ты нам расскажешь?

– К сожалению, мне не удалось найти об этом сведений, – тихо ответил тот.

– А я знаю, – продолжала ведьма, – я работала с одной девицей, которую Красный продал в Байон, и она оттуда сбежала обратно: сначала в Игнис, а потом сюда.

– И как же? – спросил парень.

– Ну, всё очень просто. Завтра поздно вечером сюда прибудет отряд из Белой Крепости. Может, десяток солдат, может, чуть меньше. У них будут верёвки и кляпы, а приедут они на вместительной четырёхколёсной карете с просторным коробом. Ну, теперь ясно?

Парень снова стал пинать решётку с отчаянной остервенелостью.

– И как же вы все попали сюда? – спросила Птолема, дав смертный бой новому приступу кашля.

– Ну я, например, просто неудачно обслужила двух парней, – весьма честно призналась ведьма, отчего парень в очередной раз стал озлобленно сквернословить. – Нет, ты не понял. Я просто встретила их на улице и предложила им погадать, а они меня вырубил. И очнулась я здесь уже. Сразу поняла, где именно. Та девка мне рассказывала и про это место.

– А я просто странствующий торговец, – сказал парень. – Я сюда приехал из Столицы, но сбился с пути и угодил в эти треклятые кварталы, где двое ублюдков – здоровый и тощий – меня и повязали. – Он в тысячный раз начал охаживать решётку из последних сил.

Ведьма посмотрела на толстяка.

– Ну а я просто пришёл к Красному и сказал, что ходит слух, будто он может помочь переправиться за границу, – поделился Ганс.

Женщина расхохоталась опять:

– Ну да, а это недалеко от правды.

– Так вот, – продолжал разведчик, угрюмо посмотрев на ведьму. – Он ничуть не удивился и признался, что может меня переправить, даже абсолютно бесплатно, ибо он сам такой же, как и я. Ну, что он не на своей земле, не на своём месте и прочий вздор. Но я не сомневаюсь, что он неплохо обогатится за счёт меня, если сумеет договориться с каким-нибудь владельцем рудников на невольничьем рынке.

– А никто не знает, куда направляется караван? – спросила Птолема.

– Куда угодно, – ответил Ганс. – Даже за пределы Союза Четырёх. Никто не знает, что за теми границами.

– Там леса, населённые исчадиями ада, – спокойно сказала ведьма. Она больше не смеялась. – Мне рассказывали, что за рабами на рынок приезжали самые разные твари.

Теперь у Птолема похолодело всё внутри.

– Какие твари? – спросила она, сразу отчётливо вспомнив пасть «благородного господина», полную смрада и острых клыков.

– Разные, – повторила ведьма. – Послезавтра сама увидишь.

После этого она рухнула на свою койку.

– А как ты планируешь выбираться потом из рабства? – спросила Птолема у разведчика. Или, быть может, «разведчика».

– Просто убегу, – ответил толстяк, отчего ведьма в очередной раз расхохоталась.

– Не думаю, что ты далеко убежишь, – заметила она.

– А я убегу завтра вечером, – сказал парень. – Прямо во время погрузки. Не думаю, что на невольничьем рынке будет больше свободы, чем завтрашней ночью.

– Если хочешь быть зарезанным на месте, то дело твоё, – безучастно сказала ведьма.

Парень никак не отреагировал на сказанное, и повисла тишина.

– А почему вас никто не ищет? – слабо поинтересовалась Птолема, хотя знала: потому что никому не нужны.

– Потому что никому не нужны, – сказала ведьма. – А тебя саму кто-нибудь станет искать?

Девушка промолчала, не сомневаясь, что гвардейцы ещё как её ищут, чтобы расстрелять на месте.

– Ну вот, – продолжала женщина. – И остальных никто никогда не искал. Здесь мы представлены самим себе, девочка.

– Ну уж нет, – вмешался толстяк. – Короне совершенно не безразлично, иначе бы меня тут не было.

– И как вы вообще узнали о том, что Красный торгует людьми? – хрипло спросила Птолема и чихнула.

– Рабы, бежавшие из Игниса и Байона, рассказали нам об этом. Но они не знают человека из Белой Крепости, который здесь заведует торговлей. Поэтому было принято решение проделать весь путь, который проделывают невольники. И вот я здесь.

– Так если они не знают человека, как ты это узнаешь, пройдя их путём? – хмуро спросила ведьма. – Не проще ли было побеседовать с Красным по-особенному, как вы это умеете?

– Что ты имеешь в виду? – толстяк сразу напрягся.

– Да ладно тебе, – сказала женщина. – Все мы знаем, как представители Короны любят допрашивать подозреваемых. А если это будет девушка, то тем более...

Птолема вздрогнула, вспомнив, как на ней выместил злобу Красный. Если именно так допрашивают гвардейцы, второй раз она такое не переживёт. Хотя, если после допроса гвардейцы её расстреляют, то не переживёт она допрос в любом случае.

– Заткнись уже, – оборвал ведьму толстяк. – Ты понятия не имеешь, о чём говоришь.

Та лишь фыркнула в ответ и снова наступила полная тишина.

– Вы знаете об убийстве градоправителя? – неожиданно спросила Птолема.

– Конечно, – ответил Ганс. – Идума сразу рассказал нам об этом.

– Так вот, у трактирщика в подсобке лежит крог, – сказала Птолема. – Раненый гвардейцами. Он был в ту ночь у Пироса в поместье. Его Красный тоже хочет переправить в Белую Крепость.

Парень хохотнул.

– Ну да, видел я крогов на своём торговом пути. Один такой стоит нескольких мечников из Белой Крепости.

– Тогда тебе пора распрощаться с мыслями о побеге, – сказала ведьма. – Потому что Красный скажет, что у него есть крог, и тот человек из Белой Крепости пришлёт сюда не десяток солдат, а в два раз больше.

Повисло молчание, больше никому говорить не хотелось.

И в этот момент все услышали отдалённый гул где-то наверху, но достаточно сильный, чтобы слышать его даже на такой глубине.

– Итак, – начал Король. – Мы призовём на помощь Отряд Зодиака и отправим их к нашим друзьям из пограничного города.

Сейчас они уже все поднялись в самую высокую башню Драконьего Храма, только к ним присоединилась Фелиция, державшаяся ближе к отцу. Хоть она и не была на военном совете, но вопросов никаких не задавала.

Самая верхняя комната башни была ромбообразной, с единственным окном, выходящим на город, а посередине стояло не что иное, как настоящий алтарь в виде огромной железной розы без стебля, раскинувшей гигантские лепестки в стороны. А прямо в центре у неё был слот, который в этот момент пустовал.

У Короля же в руках был небольшой стальной амулет, сияющий, словно недавно выкованный. На амулете было изображено лицо Дракона, суровое и непоколебимое, а глаза изучали предельную ярость. Он выглядел как живой, и никто не мог смотреть долго на этот амулет, все сразу же отводили глаза.

Даже Король держал его перед собой обеими руками, как очень хрупкий трофей, полученный в тяжёлой кровопролитной битве.

– У каждого Короля из Союза Четырёх Драконов есть амулет, наделённый звёздной магией и силой одной из четырёх стихий. Все воины Зодиака, как и королевства из Союза Четырёх, подчиняются своим стихиям. Наше королевство, например, таит в себе магию земли, Игнис – магию огня, Байон – магию воды, Гиант – магию воздуха, – пояснил Вазилис.

– И сколько же воинов Зодиака у одного королевства? – спросил Еврипид.

– Трое, – ответил Король. – Всего их двенадцать. Каждый из них – кладёшь мудрости, прочности и силы.

– И откуда же приходят воины Зодиака? И когда? – с благоговейным трепетом спросил Андреас.

Все были крайне взволнованы.

– Сейчас вы сами всё увидите, – пояснил Вазилис. Он как-то преобразился к этому моменту. Его голос изменился, стал выше и звонче, а глаза пылали жёлтым огнём.

– Мы, Вазилис, Король государства Гратия, призываем на помощь серафимов из Отряда Зодиака, – прогремел Государь. – Да придёте вы, да принесёте вы нам победу над врагами нашими, да свершится великое правосудие! – И с этими словами он опустил амулет в слот на алтаре.

Луч света яркой вспышкой вырвался из центра алтаря и залил всю комнату. В этот же момент все отчётливо слышали далёкое рычание Дракона, раскатом прокатившееся над Столицей, а может быть, и над всем королевством Гратия.

Затем всё стихло.

– Кажется, великая магия свершилась, – предположил Дэймон, глядя из окна, как на улицы Столицы высыпают людишки.

И в этот момент каждый из них почувствовал нарастающую вибрацию, словно сам воздух стал наэлектризовываться.

– Что это такое?! – воскликнул Еврипид. Он был полностью ошарашен и ничего подобного даже не ожидал.

– Быстрее, всем на улицу! – скомандовал Король, и они спешно стали спускаться из этой башни, ощущая, как нарастает дрожь воздуха, а когда они выскочили из Драконьего Храма на площадь, им стало понятно, что дрожит сама земля, словно брусчатка ходит ходуном у них под ногами.

К тому же появился какой-то звук. Что-то вроде страшного нарастающего гула.

– Смотрите! – закричал Деимос и показал рукой на небо.

Все, даже Король, выглядели в этот момент гораздо моложе своих лет, и восторженно посмотрели туда, куда указал начальник гвардии. И посмотреть стоило: на небе появилась голубая полоса, стремительно разрезающая его пополам от самого горизонта. И приближающаяся к ним.

По периметру площади стали собираться вояки, абсолютно не понимающие, что же происходит. Если бы эти люди когда-нибудь видели кометы, они сразу бы подумали, что сейчас по небосводу несётся именно комета.

Гонец, прибывший из пограничного городка, уже тоже стоял на улице и наблюдал за происходящим.

Так или иначе, когда гул достиг своего пика, эта голубая полоса оказалась как раз над Драконьим Храмом, а затем стала резко снижаться и через несколько секунд яркая вспышка поглотила всё вокруг. Гул сменился грохотом, а дрожь земли показалась в одно мгновение настоящим землетрясением, от которого сейчас всё разрушится.

И перед Драконьим Храмом, прямо в центр площади что-то рухнуло оглушительным раскатом, разметав камни и подняв в воздух клубы пыли, как будто это что-то проломило площадь и даже слой земли.

Все затаили дыхание, полностью шокированные. Даже сам Король на какое-то время опешил, вглядываясь в рассеивающуюся пыль.

– Я вижу его, – неожиданно прошептала Фелиция, замороженная происходящим.

Некоторые солдаты, доселе стоявшие поодаль, неуверенно стали подходить к месту падения, и в этот же миг из пробоины площади и облака пыли кто-то выпрыгнул.

Прыжок был настолько мощным, что его автор приземлился чуть ли не в метре от Короля и военачальников, из-за чего последние отшатнулись назад и вперили изумлённые взгляды в того, кто предстал перед ними. Это было невероятное зрелище.

Перед ними возвышался огромный минотавр, пышущий какой-то взвездной силой. Он был на голову выше и в два раза крупнее любого из королевских гвардейцев.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на него: тёмно-коричневая бычья голова, увенчанная двумя острыми рогами и чрезмерно мощная шея. Фелиция подумала, что с разбега ударом лба он мог запросто убить какого-нибудь преступника или даже пробить крепкую стену.

Одет минотавр был в чёрную кирасу с узорами, что надёжно защищала широченную грудь и спину. На его плечах были натянуты наплечники, усыпанные шипами, а на локтях – такие же шипованные налокотники. Огромные бицепсы и бугрящиеся мышцами предплечья, обтянутые сеткой вен, выдавали в нём поистине ужасающую силу. Быть может, он даже был способен порвать толстую якорную цепь.

На ногах у минотавра были тёмные поножи и кожаные сапоги с железными носками. Один удар таким сапогом мог покалечить любого противника.

А вот к узорчатому железному поясу, закрывающему не только талию минотавра, но и верхнюю часть бёдер, была приделана чёрная перевязь с широким топором с одной стороны, и кобура со здоровенным револьвером – с другой.

За спиной у минотавра виднелся огромный арбалет, словно он был сделан для охоты на исполинских чудовищ или каких-то гигантских демонов. А на левом плече у него висел обычный тряпичный мешок, возможно, наполненный патронами к его большущему револьверу.

Перед витязями стоял совершенный воин, доселе невиданный никем из них.

– Мира дому твоему, Вазилис, – произнёс низким голосом минотавр. – Я услышал твой зов и прибыл сразу же. – Он чуть поклонился Королю.

Этот воин был настолько величественен, что все витязи, стоявшие за Королём, тоже стали нервно кланяться ему в ответ.

– Здравствуй, Таурус, – ответил Король и отвесил лёгкий поклон рыцарю. – Где же остальные звёздные воины?

– Они сейчас придут, не беспокойся, – ответил Таурус и в этот момент снова послышался приближающийся гул. Но в этот момент он был немного тише, да и дрожи вибрации в воздухе практически не чувствовалось.

– Вот, я слышу Вирго. Она мягка словно южный ветер и быстра будто молния. – Произнёс Таурус и посмотрел на небо.

– Андреас, – обратился Король к своему стражнику, – пусть гонцы разнесут весть по Столице, чтобы ни один человек не боялся прибытия наших верных друзей, а то я вижу, что народ уже волнуется.

Тот сразу же исчез: слово Государя было для него законом более чем для остальных, ибо их связывала особая история.

Тем временем гул уже был над Драконьим Храмом, а спустя несколько секунд, под крики «Берегитесь!» со стороны высыпавших на площадь солдат, сюда упал второй воин отряда Зодиака.

Как и сказал Таурус, она была «мягка словно южный ветер», поэтому не пробила площадь насквозь, а просто кубарем прокатилась по её поверхности, оставив глубокую борозду в брусчатке.

– Я же тебе говорил уже тысячу раз, – повысив свой утробный и басистый голос, начал Таурус. – Старайся приземляться на ноги, тогда ты не будешь кататься так по земле каждый раз, когда мы появляемся в Гратии.

– Хорошо, учитель, впредь я постараюсь падать вниз подобно камню, – послышалось в ответ. Голос был женский, но громоподобный, далеко не нежный. Таким голосом может говорить человек, прошедший тысячи кровавых битв.

И скоро к ним подошла девушка, похожая на какую-то чёрноволосую фурию. Волосы у неё были необычно острижены: не очень длинные на висках и затылке, но с густой чёлкой спереди, закрывающей часть лица.

Эта воительница по виду была самым воплощением ярости. От одного взгляда на неё у Деимоса начался трепет в груди: такой концентрации женской суровости он ещё не видел.

Вирго была рослой и крепкой, довольно высокой, пусть и не такой махиной, как Таурус. От остальных женщин её отличало всё: как лютый убийственный взгляд, так и внушительная фигура.

Вся её манера держаться была полностью боевой: это, несомненно, дочь самой войны, иначе и не скажешь. Такой выправки и стати среди девушек всего Союза Четырёх Драконов было не найти, даже если потратить на поиск всю свою жизнь.

Однако одета она была странно для женщины: в короткую, облегающую куртку, и обтягивающие брюки, сшитые из кожи. На ногах у неё были чёрные тяжёлые ботинки, идеально подходящие, чтобы топтать павших противников.

На её мощных бёдрах покоилось два револьвера, а из-за спины виднелась костяная рукоять палаша. На поясе же у этой девицы был заполненный патронташ.

– Приветствую тебя, Король, – сказала она своим жестковатым голосом. – И вас приветствую, доблестные воины. – Добавила Вирго, окинув взглядом стоявших за спиной Короля витязей, пребывающих в небольшом потрясении.

– Рад видеть тебя здесь, Вирго, – сказал Вазилис, лучезарно улыбнувшись. – Как добралась ты?

– Добралась я хорошо, благодарю тебя, мой Король, – отозвалась Вирго. – Я готова сражаться с кем угодно и где угодно.

– И да падёт ярость твоя на наших врагов, – сказал Вазилис.

– Где же третий? – спросила Фелиция, глядя на безжалостную воительницу. Если честно, именно принцессу эта суровая валькирия ничуть не впечатлила.

– Я ему не хозяйка, – резко ответила Вирго. – Он придёт на зов, как только сможет.

Таурус сделал шаг вперёд и сказал:

– Расскажите, что здесь случилось, и зачем нас позвали.

– Тогда пройдёмте в Храм, – предложил Вазилис.

И в этот момент снова раздался гул. Видимо, это спешил третий воин Зодиака.

Красный уже стал подниматься к Белой Крепости (благо она не так уж и далеко находилась от его трактира), как в небе раздался гул. Мужчина резко остановился и высоко поднял голову вверх, внимательно ища источник звука. Половина неба уже была прочерчена яркой полосой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.